

НАШ ПРАЗДНИК РОЖДАЛСЯ В БУДНЯХ

27 марта 2011 года наша страна отметит 200-летний юбилей войск правопорядка.

История официального установления Дня внутренних войск уже сама стала историей, и мне дорого то, что сегодня он отмечается как привычный и давно полюбившийся людям профессиональный праздник.

Это означает, что 15 лет назад решение о его рождении было правильным и диктовалось самой жизнью.

Служба во внутренних войсках стала моей судьбой. В них я прошёл путь от курсанта до генерала армии. Ещё будучи молодым офицером, я, подобно моим товарищам, конечно же, задавался вопросом, почему у наших войск нет своего профессионального праздника. Раз в году отмечают свой день десантники, пограничники, моряки, милиционеры... Вся страна говорит об их ратных делах, рождая в людях чувство гордости за свою службу, за принадлежность к боевому товариществу. И только войска правопорядка остаются как бы за кулисами общественной жизни, хотя их заслуги перед страной хорошо известны.

Став министром, я твёрдо решил исправить эту историческую несправедливость. Тем более что в то время уже можно было чётко аргументировать государственную важность подобного решения. Во-первых, в Чечне шла война, а внутренние войска, хорошо себя в ней показавшие, твёрдо обеспечивали на Северном Кавказе суверенитет и территориальную целостность России. Во-вторых, в войсковых СМИ были опубликованы материалы о дореволюционной предшественнице внутренних войск – внутренней страже, сформированной 27 марта 1811 года. Пусть в связи со сменой политических эпох неоднократно менялось наименование самих войск, неизменным оставалось их главное предназначение – находиться на страже внутренней и общественной безопасности Российского государства. Или, как было написано в императорском указе, "на страже тишины и спокойствия"...

Учреждение нового праздника в данной ситуации расценивалось бы обществом как признание заслуг воюющих войск перед Родиной, способствовало бы повышению авторитета внутренних войск в обществе и престижа службы в них.

Шёл 1996 год. Как раз незадолго до этого Президентом России Б.Н. Ельциным по просьбе генерала М.И. Барсукова, являвшегося в ту пору директором ФСБ, был официально утверждён День работника органов безопасности, более известный как День чекиста. Я тоже решил выступить на заседании Совета безопасности с подобной инициативой и попросил коллег по Совбезу меня поддержать.

Заранее обсудил свой замысел с тогдашним командующим внутренними войсками МВД России генерал-полковником А.А. Шкирко. И мы стали готовить проект соответствующего указа Президента Российской Федерации.

19 марта после окончания очередного заседания Совета безопасности я поднялся со своего места и попросил рассмотреть дополнительный, выходящий за рамки повестки дня вопрос. Под рукой у меня находились те документы, которые с исторической точки зрения служили обоснованием для учреждения Дня внутренних войск именно в марте. Об этом я доложил очень убедительно, к тому же и другие члены Совета безопасности были едины во мнении, что внутренние войска заслужили свой профессиональный праздник. Поэтому Б.Н. Ельцин без возражений поставил под указом свою подпись, а я тут же пригласил Президента России посетить войска в учреждённый его указом праздничный день.

Вернувшись в министерство, я срочно позвонил генералу Шкирко. "Анатолий Афанасьевич, – сказал я ему, – свершилось!.. Успеем ли подготовиться: ведь до самого праздника остались считанные дни..."

Но я зря волновался: всё было сделано безупречно. Конечно, я понимал, что приезд Президента России на само праздничное только подчеркнёт его государственное, общероссийское значение. Однако до последнего дня было неизвестно, найдёт ли Ельцин время, чтобы прибыть в войска.

В ходе состоявшегося у нас с ним телефонного разговора я напомнил президенту о своём приглашении. Чувствуя, что Ельцин ещё не принял окончательного решения, постарался его убедить.



Пришлось даже пойти на хитрость и напомнить Борису Николаевичу, что он, как Верховный главнокомандующий, обещал посещать воинские части ежемесячно. "В прошлый раз, – сказала я ему, – вы побывали в Тульской воздушно-десантной дивизии. Теперь пришло время приехать во внутренние войска..."

Я знал характер Ельцина: взяв на себя подобное обязательство, он из одного только самолюбия ни за что бы не пошёл на попятную. И точно – после длинной паузы я услышал окончательный ответ президента: "Раз так, значит, я обязательно буду..."

Первое официальное празднование Дня внутренних войск, на которое Б.Н. Ельцин, как и обещал, всё-таки приехал, останется памятно многим. Словами благодарности, которые Президент России и Верховный главнокомандующий адресовал войскам, ощущением торжественности при возложении венков к памятнику погибшим солдатам и офицерам. Ещё Борис Николаевич принял участие в закладке фундамента новой казармы. Её потом назвали "президентской". По сей день храню дома, как реликвию, мастерки, которыми мы с Ельциным укладывали раствор в основание её фундамента.

День внутренних войск не значится в "красных" днях календаря. Но это лишь подчёркивает крайне важную для страны и народа необходимость нашей не знающей праздных дней службы. Нет в ней лёгких или неважных участков. Нет запросто решаемых задач. Но даже в самых сложных ситуациях можно чувствовать себя уверенно, если опираться на богатый опыт наших предшественников, на славные войсковые традиции.

Для одних история – это просто научная дисциплина. Для других – воспоминание о прошлом. Для войск история – это живой источник подвига, пример истинного служения, отправная точка для нацеленных в завтрашний день.

Именно в этом и состоял наш главный замысел 15 лет назад.

15 лет спустя я с гордостью вижу внутренние войска собранными, сильными, обученными, планомерно развивающимися. И на их пути в будущее я желаю им удачи!

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ,
президент Клуба военачальников РФ,
заместитель Председателя Правительства РФ
(1997–1998 гг.),
министр внутренних дел РФ (1995–1998 гг.),
командующий внутренними войсками
МВД России (1992–1995 гг.),
доктор экономических наук

В службе честь!

НА Б ОВОВОМ ПОСТУ



Журнал – лауреат
премии МВД России

Учредитель: МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
архиепископ Ставропольский и Владикавказский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И., ДОЛОНИН Н.А.,
ДУРКАЧ Р.П., ДЮЛЬДИН С.А.,
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного
редактора), КРЫСАНОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОВЕВ Т.К., МИХАЛЁВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ТОНКОНОВ В.П., ЧЕПЯШЕВ С.К.,
ЭДКОВ А.А., ЮРЧЕНКО С.П.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга
тел./факс: (495) 361-83-14
e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел
тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы
тел./факс: (495) 361-87-27
e-mail: reklamavmvd@mail.ru

Типография
тел.: (495) 361-88-54

Сдано в набор 20.10.2010. Подписано к печати 2.12.2010.
Формат бумаги 60x90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 412.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: (495) 361-81-71
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2010

№ 11 (517)
ноябрь 2010



На 1-й странице обложки:

Фото Александра КУЗНЕЦОВА

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и лите-
ратурно обрабатывать принятые к
публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разде-
ляя точку зрения авторов. Рукописи
не рецензируются и не возвращают-
ся. За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за до-
стоверность рекламных объявлений
— рекламодатели, за качество печат-
ти — типография. Переписка с чита-
телями ведётся только на страницах
журнала.

Индекс для подписки через
агентство "Роспечать" —

70 610

СОДЕРЖАНИЕ



16

СОБЫТИЕ

4 МЕДАЛЬ И ЗНАК К ЮБИЛЕЮ

**5 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ГОТОВИТСЯ
К ТОРЖЕСТВАМ**

ГОРЯЧИЙ РЕГИОН

**16 "ТРИДЦАТЬЧЕТВЁРКА"
БАНДИТАМ СПУСКУ НЕ ДАЁТ**



ГОРЯЧИЙ
РЕГИОН

БРИГАДА ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

6

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

**31 ЗВЁЗДЫ, ЗАЖЖЁННЫЕ
УЧИТЕЛЯМИ**

ГОСТИНЯ

**34 ВСТРЕЧА С НАРОДНЫМ
ПИСАТЕЛЕМ**



40

**20 КАПКАН ДЛЯ
СУЛТАН-ИДРИСА**

**22 ОПЕРАЦИИ В
БРОНЕЖИЛЕТАХ**

СЛУЖБА

**24 ЧЕМПИОН СТРЕЛЯЮЩИХ
ПОЛИГОНОВ**

ВОЕННАЯ ШКОЛА
**28 ПРОФЕССИОНАЛИЗМ.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ.
РЕЗУЛЬТАТ**

ИСТОРИЯ

**38 КРЫЛАТАЯ ПЕХОТА ВОЙСК
НКВД**

КУЛЬТУРА

40 ДРУЖБА – ХАЛАРДЗИНАД!

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ

**46 "ПОТРЕБНОСТЬ ДОВОЕВАТЬ
ВОЙНУ..."**

ЛИТЕРАТУРА

52 ТЕТРАДЬ ОТЦА

**61 "А Я ЗНАЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ
НА ВКУС..."**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**63 МЕЖДУ МОЛОТОМ И
НАКОВАЛЬНЕЙ**

63 С БЛЕСКОМ И СЛАВОЮ

**64 НЕТЛЕННЫЕ ГВАРДЕЙСКИЕ
ПОЛКИ**



49

МЕДАЛЬ И ЗНАК К ЮБИЛЕЮ



В ознаменование 200-летия внутренних войск МВД России, которое будет отмечаться 27 марта 2011 года, приказами министра внутренних дел РФ от 24 сентября 2010 года № 679 и № 680 учреждены юбилейная медаль МВД России "200 лет внутренним войскам МВД России" и нагрудный знак "200 лет внутренним войскам МВД России".

Эскизы юбилейной медали и нагрудного знака были подготовлены Геральдическим советом внутренних войск и согласованы с руководителем Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации – государственным герольд-мейстером Георгием Вилинбаховым.

Юбилейной медалью награждаются военнослужащие, гражданский персонал внутренних войск, а также граждане, уволенные с военной службы и безупречно прослужившие (проработавшие) 20 и более лет, либо не имеющие указанной выслуги, но получающие пенсию по инвалидности или являющиеся ветеранами боевых действий.

Нагрудный знак учреждён для вручения военнослужащим и гражданскому персоналу внутренних войск МВД России, добросовестно исполняющим должностные обязанности, независимо от сроков службы или работы.

За оказание содействия внутренним войскам при выполнении ими возложенных на них служебно-боевых задач, а также за укрепление международных связей с внутренними войсками МВД России юбилейной медали и нагрудного знака могут быть удостоены граждане Российской Федерации и других стран.

Основанием для вручения юбилейной медали и нагрудного знака является приказ, подписанный заместителем министра внутренних дел – главнокомандующим внутренними войсками МВД России, командующими войсками региональных командований внутренних войск МВД России.

Учреждением юбилейной медали и нагрудного знака в ознаменование 200-летия внутренних войск МВД России продолжена воинская традиция, заложенная еще в начале XX века. В честь 100-летия конвойной стражи и местных войск 24 марта 1911 года император Николай II утвердил нагрудные знаки, которыми награждались офицерские и классные чины за верную и ревностную службу.

Учреждением юбилейной медали и нагрудного знака в ознаменование 200-летия внутренних войск МВД России продолжена воинская традиция, заложенная еще в начале XX века. В честь 100-летия конвойной стражи и местных войск 24 марта 1911 года император Николай II утвердил нагрудные знаки, которыми награждались офицерские и классные чины за верную и ревностную службу.

Учреждением юбилейной медали и нагрудного знака в ознаменование 200-летия внутренних войск МВД России продолжена воинская традиция, заложенная еще в начале XX века. В честь 100-летия конвойной стражи и местных войск 24 марта 1911 года император Николай II утвердил нагрудные знаки, которыми награждались офицерские и классные чины за верную и ревностную службу.

★
Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ

1 октября в Государственном комплексе "Дворец конгрессов" в Санкт-Петербурге состоялось первое заседание диссертационного совета внутренних войск, которое возглавил заместитель министра внутренних дел – главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал армии Николай Рогожкин.

В работе совета участвовали заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Феликс Шамхалов, заместитель главнокомандующего внутренними войсками по военно-научной работе, председатель диссертационного совета генерал-майор Валерий Новожилов, командующий войсками Северо-Западного



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ГОТОВИТСЯ К ТОРЖЕСТВАМ

регионального командования генерал-лейтенант Павел Дашков, командование и научно-педагогический состав Санкт-Петербургского военного института внутренних войск.

Участники встречи обсудили организационные вопросы, связанные с деятельностью диссертационного совета, определили приоритетные направления научных исследований, утвердили перечень научных специальностей, по которым в дальнейшем будет происходить подготовка диссертационных исследований, выдвигаемых на соискание

учёных степеней доктора и кандидата наук.

По окончании диссертационного совета генерал армии Николай Рогожкин встретился с директором Государственного музея истории Санкт-Петербурга Александром Колякиным, который рассказал о подготовке мероприятий, посвящённых 200-летию внутренних войск МВД России. Александр Николаевич заверил главнокомандующего внутренними войсками, что музей истории примет активное участие в подготовке и праздновании знаменательной даты.

Находясь в городе на Неве, генерал армии Николай Рогожкин посетил Президентскую библиотеку им. Б.Н. Ельцина, которая представляет собой уникальное хранилище, оборудованное самыми современными системами поиска литературы и работы с документами, находящимися на хранении. Главнокомандующему продемонстрировали мультимедиа-зал, позволяющий проводить видеоконференции, телемосты, лекции, организовывать презентации новых изданий.

Генеральный директор библиотеки Александр Вершинин отметил, что она является уникальной площадкой для проведения мероприятий, связанных с популяризацией деятельности институтов государственной власти России и укреплением их связи с обществом, в том числе и для готовящейся военно-научной конференции, посвящённой юбилею войск правопорядка. В завершение встречи Александр Вершинин вручил генералу армии Николаю Рогожкину почётный читательский билет и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество Президентской библиотеки с войсками правопорядка.

★
Полковник
Валерий ВИКТОРОВ
Фото автора





46-я отдельная бригада оперативного назначения сегодня по праву считается лучшим соединением в Северо-Кавказском региональном командовании внутренних войск МВД России.

Личный состав достойно выполняет государственную задачу по борьбе с терроризмом на юге нашей страны, совместно с органами внутренних дел Чеченской республики участвует в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Создание бригады стало общим делом всех внутренних войск. Для службы в этом соединении отбирали опытных офицеров и грамотных специалистов.

Благодаря этому воинские части бригады сумели добиться высоких показателей в учёбе и боевой службе. Здесь сложился уникальный воинский коллектив, объединённый верностью воинскому долгу, боевым традициям внутренних войск и святыми узами товарищества.

Накопленный за эти годы боевой опыт составляет основу для теоретических наработок и практических навыков, необходимых для выполнения служебно-боевых задач в регионах со сложной оперативной обстановкой.

Жители Чечни не раз имели возможность убедиться, что бригада находится в республике, чтобы обеспечивать их безопасность, защищать от бандитов. Во многом благодаря помощи местного населения, заинтересованного в мирном и созидательном труде на родной земле, удаётся изымать из незаконного оборота оружие и боеприпасы, обнаруживать бандитские тайники и базы, результативно проводить адресные мероприятия.

Десять лет жизнь экзаменует военнослужащих бригады на профессионализм и верность военной присяге. И они этот экзамен сдают с честью. Желаю офицерам и прапорщикам, сержантам и солдатам соединения успехов в боевой службе на благо Отечества!

Заместитель министра
внутренних дел – главнокомандующий
внутренними войсками МВД России
генерал армии **Н.Е. РОГОЖКИН**



1 ноября 46-я отдельная бригада оперативного назначения Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск отметила своё десятилетие. Накануне праздника соединения посетили министр внутренних дел России генерал армии Рашид Нургалиев, главнокомандующий внутренними войсками генерал армии Николай Рогожкин и глава Чеченской республики Рамзан Кадыров. Они дали высокую оценку военнослужащим бригады, отметив их добросовестную службу на благо Родины и неоценимый вклад в дело восстановления мира и правопорядка в Чечне. Да, солдатам, офицерам и прапорщикам 46-й ОБрОН есть чем гордиться, есть о чём рассказать, есть что показать гостям. В этом в очередной раз убедились и корреспонденты журнала...

БРИГАДА ПЕРЕДНЕГО КРАЯ



Когда-то здесь было голое, пустынное поле, в центре которого темнели, утопая в вязкой пластилиновой грязи, отсыревшие купола палаток с одинаковыми чадающими трубами буржусек. Под открытым небом громоздились бронетехника, грузовые фургоны и кунги. Бойцы с оружием за плечами рыли котлованы, осушали болота, закладывали фундаменты казарм, сменяли друг друга в боевом охранении.

Сегодня на этом месте вырос целый город, не уступающий красивым кварталам-новостройкам современного Грозного. Имеется и ещё одно существенное отличие от здешней обстановки десятилетней давности. Если тогда, в ноябре 2000-го, лишь только спускались на землю осенние сумерки, в окрестностях города то тут, то там начинали стрекотать автоматы, ухать гранаты, грохотать “зушки” и “Ураганы”, то теперь вечерами вокруг царит умиротворяющая тишина, время от времени нарушаемая лишь гулом взлетающих или идущих на посадку лайнеров в распо-

ложенном по соседству аэропорту. И в этом тоже немалая заслуга военнослужащих 46-й ОБрОН...

Февраль 2000 года. На заседании коллеги Министрства внутренних дел Российской Федерации принято решение о создании бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России с местом постоянной дислокации в городе Грозном. Оно было вызвано необходимостью проведения специальных операций в борьбе с остатками банд Масхадова—Басаева, продолжавших орудовать на территории Чеченской республики. В соответствии с этими целями требовалось создать такое формирование, которого ещё не было в истории войск правопорядка. Его подразделениям предстояло действовать не в каком-то одном районе Чечни, как это было с другими воинскими частями и подразделениями, командированными в республику, а в самых разных её уголках — от спрятавшейся в вы-

сокогорье Итум-Калы, где в то время хозяйничала банда недоброй памяти Гелаева, до уже почти мирного Наурского района.

Именно такой бригады недоставало в Чечне — мощного соединения внутренних войск, где служат настоящие профессионалы, способные быстро, чётко и качественно выполнить любую задачу.

В формировании бригады приняли участие все округа внутренних войск, выделяя боевую технику, средства связи, вооружение, тщательно отбирая личный состав. Комплектование бригады офицерами, прапорщиками и солдатами проводилось с соблюдением принципа индивидуального отбора и исключительно по добровольному согласию. Будущие военнослужащие “бригады переднего края”, как её с ходу окрестили в войсках, должны были отвечать жёстким требованиям, обладать высокими служебными и морально-психологическими качествами.

Боевая учёба кандидатов в 46-й ОБрОН шла по особой программе. Они изучали минно-подрывное де-

бой, тактику боя в горных массивах, вождение автомобиля и боевой техники, стреляли из разных видов оружия, учились радиodelу и оказанию медицинской помощи. Параллельно в Чечне шло строительство военных городков частей и подразделений соединения. Как былинный богатырь от матери-земли, бригада набиралась сил от войск, превращаясь в мощное боевое формирование, в надёжную опору местной и федеральной власти в опасной и многотрудной работе по восстановлению порядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики.

31 октября 2000 года главнокомандующий внутренними войсками доложил министру внутренних дел о готовности бригады к выполнению служебно-боевых задач. А на следующий день, 1 ноября, 46-я ОБрОН приступила к несению службы.

Штаб, подразделения обеспечения и ещё ряд воинских частей расположились в районе аэропорта “Северный” в нескольких километрах от столицы Чечни. Военные городки полков и батальонов разместились в городах Гудермес и Урус-Мартан, в станицах Шелковская, Наурская и Червлённая.

Буквально с первых дней создания соединения было брошено в

бой против остатков банд ваххабитов и прочей нечисти, которые пытались всеми силами помешать уже начавшемуся мирному процессу в республике. В боевой летописи 46-й ОБрОН множество успешно проведённых спецопераций, в ходе которых задержаны и уничтожены сотни боевиков, изъято из преступного оборота 3 тысячи единиц стрелкового и автоматического оружия, значительное количество боеприпасов. За период выполнения служебно-боевых задач более 300 военнослужащих соединения награждены государственными наградами.

— Сегодня, как и десять лет назад, перед бригадой стоит всё та же основная задача: поддержание мира и спокойствия в Чечне, — говорит командир 46-й ОБрОН генерал-майор Алексей Хоружин. — Как и прежде, наши военнослужащие совместно с сотрудниками силовых ведомств республики принимают участие в охране общественного порядка, проводят по мере необходимости комплексно-профилактические операции против остатков незаконных вооружённых формирований. И, конечно же, мы продолжаем развивать и приумножать уже наработанный боевой опыт и традиции тех, кто тогда, в двухтысячном, начинал службу в нашем соединении.

Не побоюсь сказать, что сегодня у нас служат лучшие люди войск, отобранные из многих регионов, такие, на кого можно положиться, кому можно со спокойным сердцем доверить любую задачу. Среди них начальник штаба соединения полковник Сергей Бросов, заместитель командира 46-й ОБрОН по тылу полковник Сергей Ляшов, заместитель командира бригады по работе с личным составом подполковник Сергей Черноиванов, начальник продовольственной службы бригады майор Владимир Грибанов, командир 248-го отдельного специального моторизованного батальона Герой России полковник Алибек Делимханов, командир батальона связи полковник Игорь Белов, командир 2-го взвода 1-й роты отдельного разведывательного батальона прапорщик Сергей Лещенко, командир отделения 2-го взвода 2-й роты той же части сержант Василий Чуднов, техник радиостанции подвижного узла связи старший сержант Андрей Коноплин и многие другие наши военнослужащие.

А мы, командование соединения, в свою очередь делаем всё, чтобы наши офицеры, прапорщики и контрактники жили и служили в достойных условиях. Ведь для успешной службы необходим



прочный тыл. Сегодня в бригаде каждый обеспечен комфортным жильём, качественным трёхразовым питанием. Есть у нас и школа, и детский сад. А кроме того, при гарнизонном Доме офицеров для детей военных работают спортивные секции и кружки по интересам... Впрочем, — спохватился комбриг, — как говорят в народе, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так что советую поближе познакомиться с нашей бригадой и пообщаться с теми, кто здесь служит. Люди у нас золотые...

Основная ударная сила бригады — оперативные батальоны. Кроме несения службы на взводных опорных пунктах, заставах, сопровождения воинских колонн, охраны общественного порядка в населённых пунктах, проведения инженерной разведки в зоне ответственности части, на их плечи легло и участие в специальных операциях по ликвидации незаконных вооружённых формирований. За этими казёнными словами стоят нелёгкие, зачастую опасные рейды в зелёнку, где порой приходится идти до конца...



...Это случилось два года назад. Группа бойцов 358-го отдельного батальона оперативного назначения во главе с майором С. Бередухиным проводила разведывательно-поисковые мероприятия в горно-лесном массиве в районе села Лаха Варанды. Около половины десятого утра головной дозор неожиданно столкнулся с пятнадцатью боевиками. “Духи”, очевидно, собирались напасть на колонну или райотдел милиции, поскольку были вооружены до зубов.

Первым моментально просчитал обстановку снайпер сержант Вахтанг Лория, открыв по бандитам прицельный огонь и с ходу уничтожив вражеского гранатомётчика. Пока остальные перегруппировывались, пока подходили основные силы, беря “шайтанов” в кольцо, сержант, уже тяжело раненный, продолжал сдерживать боевиков, отвлекая огонь на себя. За это время братишки сумели занять выгодные позиции и уничтожить большую часть “лесных братьев”. К несчастью, не обошлось без потерь: по дороге в госпиталь от полученных ран скончался сержант Лория...



Четыре года назад в составе бригады были сформированы ещё два специальных моторизованных батальона, укомплектованных исключительно местными жителями. За столь относительно небольшой отрезок времени этими подразделениями были проведены сотни успешных специальных операций, уничтожены десятки боевиков, задержано свыше ста преступников, находящихся в розыске. В 2009 году Указом Президента России командир отдельного 249-го батальона 46-й ОБрОН подполковник Анзор Магомадов был удостоен ордена Мужества, а командир соседнего, 248-го отдельного батальона полковник Алибек Делимханов — звания Героя России.

Несомненно, обстановка в сегодняшней Чечне куда спокойней и стабильней, чем десять лет назад, когда только-только сформированная бригада буквально, как говорят военные, с марша вступила в бой с бандами боевиков, вставая на равнине, в предгорьях и на горных перевалах заставами, взводными опорными пунктами, контрольно-пропускными постами. Давно уже уничтожены Басаев и Хаттаб, Масхадов и Геласев, а тысячные отряды и фронты “непримиримых”

превратились в разрозненные банды числом не более десятка человек, прячущиеся по ущельям. Но тем не менее в бригаде есть подразделения, для которых горячая пора продолжается.

Минные поля — страшнейшее наследие войны. И сегодня порой люди погибают от разрывов снарядов и мин, оставшихся со времён Великой Отечественной. Что уж говорить об истерзанной боями чеченской земле, где в последнее десятилетие было зарыто множество смертоносных кладов в степях, городах, на горных тропах. Единственная надежда мирных жителей на подчинённых подполковника Александра Шевченко — военнослужащих 354-го отдельного инженерно-сапёрного батальона 46-й ОБрОН, которые вот уже десять лет ликвидируют наследие отремевших боёв.

Недавно в Гудермесском районе начали строить дорогу. Дорогу важную, очень нужную местным жителям. Но, к сожалению, количество мин, зарытых повсюду на пути будущей трассы, сделало невозможным её скорое строительство. Тогда на помощь прибыл взвод инженерной разведки инженерно-сапёрного батальона 46-й ОБрОН

под руководством капитана Евгения Филиппаса. С конца апреля и по сей пору сапёры метр за метром обследуют местность, вычищая смертельные сюрпризы — установленные неведомо когда противопехотные мины, неразорвавшиеся снаряды и авиабомбы. В ходе операции инженерной разведке не раз попадались бандитские схроны со взрывчатыми веществами, патронами, гранатами, когда-то оставленные про запас остатками басаевско-хаттабовской нечисти.

Сколько ещё продлится работа взвода на месте строительной будущей трассы, сказать сложно. Однако можно быть твердо уверенным, что спецы 354-го отдельного инженерно-сапёрного батальона и в этот раз вычищают местность до последней мины, до последней неразорвавшейся гранаты...

Несомненные успехи в служебно-боевой деятельности бригады обусловлены не только успешной работой оперативных батальонов и спецназа. Да, они первые поднимаются в атаку, уничтожая боевиков. Но вряд ли те же спецназовцы смогли бы без потерь разгромить



логово ваххабитов, если бы не разведка, обнаружившая его, вычислившая количество укрывающихся там бандитов и их вооружение. В свою очередь, «летучие мыши» вряд ли подберутся вплотную к лагерю «непримиримых», если приданные им сапёры не проделают проходы в минных полях.

А как быть, к примеру, когда надо передать одновременно всем задействованным в спецоперации подразделениям координаты точки, откуда боевики вышли в эфир? Посылать вестовых в горно-лесные дёбри, к каждой поисковой группе? Понятное дело, что здесь не обойтись без качественной и бесперебойной связи. Вот почему, когда командир части подводит итоги, он непременно оценивает и работу служб боевого обеспечения, ибо без них, как говорится, никуда.

Известно: связь — нерв армии. Эта служба подчас незаметна, но жизненно важна. Без неё попросту нельзя представить себе жизнь войск. Обычно о специалистах этих подразделений вспоминают только тогда, когда в системе возникают неполадки. Но, слава богу, такого уже давно не случилось, по-



тому что народ в отдельном батальоне связи 46-й ОБрОН подобрал грамотный и на редкость добросовестный.

Сегодня в состав батальона, которым командует полковник Игорь Белов, входят несколько подвиж-

ных узлов связи, центр автоматизированной системы управления и многое другое, позволяющее оперативно, по последнему слову техники управлять войсками, в том числе и в отрыве от пункта постоянной дислокации.

Безусловно, без связи невозможна служба любой части или подразделения. Особенно она нужна тем, кто находится в отрыве от пункта дислокации. И не только войсковому спецназу и разведке.

...В тот день в одном из высокогорных сёл местные силы правопорядка, проводя проверку паспортного режима, наткнулись на троих боевиков. В завязавшей перестрелке бандиты были уничтожены. К сожалению, был тяжело ранен здешний участковый. Фельдшер местного медпункта только руками развёл: спасти жизнь офицера могла лишь срочная операция, проведённая высококвалифицированными хирургами, и притом максимум в течение сорока — сорока пяти минут.

Ситуация казалась безвыходной: только до ближайшей районной больницы мчаться по серпантину час с лишним. Да и там вряд ли есть необходимое оборудование и медикаменты... И всё же выход нашли. Находившаяся в прикрытии группа военнослужащих оперативного батальона 46-й ОБрОН мгновенно связалась с командованием соединения, и через четверть часа прилетевшая вертушка несла раненого стража порядка в Северный. Ещё через десять минут милиционеры уже оперировали хирурги 357-го отдельного меди-



ко-санитарного батальона бригады. Жизнь офицера была спасена. А ещё спустя несколько месяцев участковый вернулся в строй.

Рассказывая о подразделениях обеспечения бригады, стоит вспомнить и о тех, чей труд менее заметен, чем подвиги разведчиков, спецназовцев, сапёров, но не менее важен. В том числе солдат и офицеров отдельной роты радиационной, химической и биологической защиты, которой командует майор Вадим Синочкин.

Это случилось несколько лет назад в районе Цоцин-Юрта. Во время разведывательно-поисковых мероприятий разведчики бригады обнаружили группу боевиков. «Летучие мыши» опоздали на какие-то секунды, и «непримиримые» смогли прошипыгнуть в заброшенный дом на окраине села. После первой попытки штурма стало ясно — укрытые боевики подготовили загодя. Полуразрушенные стены кирпичного строения были укреплены изнутри бетонными блоками. Оконные проёмы «духи» заложили двойным слоем кирпичей, оставив лишь узкие бойницы. Достать бандитов с помощью обычного стрелкового оружия было попросту нереально.

Ситуацию в корне изменили воины-химики. Под прикрытием братишек-разведчиков огнёмётчик 2-го отделения 8-го взвода рядовой Александр Спиридонов подобрался к укромным в здании боевикам и, улучив момент, жакнул из «Шмеля». Огненные заряды ударили точно во вражеские амбразуры, в одночасье списав со счёта отмороzków.

На долю военных химиков в Чечне выпало много забот. Они должны исключить использование бандформированиями радиоактивных, отравляющих и химических опасных веществ, применять специальные средства для обеспечения боевых действий, выставлять дымовые завесы для маскировки военных аэродромов и других важных объектов... Даже такие





обыденные вещи, как обеспечение питьевой водой и помывка в бане, не обходятся без участия подразделений химзащиты. Поскольку в первую очередь именно их специалисты проводят дезинфекцию в банно-прачечных комплексах, проверяют на заражённость воду, которой обеспечивают части и подразделения тыловики.

О них стоит сказать особо. Армия немаловажна без полноценного тыла. И чем крупнее войсковое соединение, чем сложнее выполняемые им задачи, тем большая ответственность ложится на тыловые службы.

Подчас их работа незаметна. Но, думается, если у сослуживцев нет претензий к тыловикам, это означает только одно: работают они профессионально. Именно так и обстоит дело в 46-й ОВБрОН. Заместитель командира бригады по тылу полковник Сергей Ляшов не просто опытный, с практической хваткой офицер, но и человек, болеющий душой за дело. И подчинённые подобрались под стать начальнику.

Давно, когда ещё ставились знаменитые палатки, военнослужащие квартирно-эксплуатационной части среди первых высадились в Северном, на бесприютных полях,

выжженных войной. И сразу взялись за дело – ведь светом, водой и крышей над головой сослуживцы должны были быть обеспечены в первую очередь. Справились тогда

с задачей на «отлично». И по сей день под началом своего бессменного командира подполковника Павла Коршока дело делают отменно.



Благодаря им исправно функционируют здешние общежития, по уюту и удобствам не уступающие столичным квартирам, штабы, казармы, гарнизонный Дом офицеров, в сравнении с которым меркнут многие московские Дома культуры, и, конечно же, столовые, по интерьеру и обслуживанию дающие фору иным ресторанам.

Впрочем, почему только по интерьеру и обслуживанию? Когда наша группа прибыла в бригаду и отправилась на обед в столовую, меня поразило не только великолепное убранство обеденного зала, стильная мебель, белоснежные скатерти, цветы на столах, но и сама еда. Каюсь, поначалу я решил, что командование приказало поварам так расстараться ради нас, гостей из Москвы. Но выяснилось, что подобное меню для всех без исключения военнослужащих стало делом обычным. Точно так же корчат и в остальных столовых ОВБрОН, которые мы из журналистского интереса посетили на другой день.

Хотя чему тут удивляться? Недавно начпродо соединения майора Владимира Грибанова и его подчинённых в бригаде сравнивают с радужными хозяевами, которые душу положат, но накроют самый лучший стол к приходу дорогих гостей. А желанные гости – офицеры, прапорщики и контрактники сорок шестой – бывают у них ежедневно, на завтрак, обед и ужин.

Когда приезжаешь в Северный и переступаешь КПП бригады, кажется, что ты попал в будущее. Светлые казармы, двухэтажные штабные здания, общежития квартирного типа со всеми удобствами. Точно такие же уютные военные городки есть ныне в Ханкале, Шелковской, Наурской, Ведено и Ножай-Юрте – там, где расположены оперативные батальоны бригады.

Примечательно, что всё это создано на пустом месте, в прямом смысле этого слова. В рекордно короткие сроки был построен и введён в эксплуатацию 151 объект, в числе которых 14 штабов, 45 казарм, 28 общежитий, 18 жилых 24-квартирных домов, 10 столовых, 12 зданий медсанчасти, гарнизонный Дом офицеров, школа, детский сад. В этом заслуга множества людей и в первую очередь – офицеров управления расквартирования и строительства Главного ко-



мандования внутренних войск. Его начальник генерал-лейтенант Владимир Панов с подчинёнными генерал-майорами Александром Богдановым и Александром Олейниковом, полковниками Владимиром Парашуком и Игорем Китаевым все эти годы буквально дневали и ночевали на строящихся объектах. И это именно им благодарны сейчас военнослужащие 46-й, которые живут и служат в достойных условиях.

Забота о людях – краеугольный камень в жизнедеятельности бригады. Так было всегда. Эту традицию поддерживают, укрепляют и офицеры воспитательных структур во главе с заместителем командира соединения по работе с личным составом подполковником Сергеем Черновановым.

Благодаря им был создан уникальный музей бригады, в гарнизонном Доме офицеров регулярно организуются концерты и встречи с интересными людьми – артистами, художниками, писателями. В ГДО вот уже несколько лет работают спортивные секции и кружки

по интересам, в том числе и военно-патриотический клуб «Барс». Примечательно, что на его базе постигают азы ратной науки не только мальчишки, но и девчонки. Причём девочки несколько не отстают, а порой даже дают фору сверстникам сильного пола в строевой, а то и в физической подготовке. Большинство из девочек, как и мальчишки, в будущем мечтают связать свою жизнь с войсками. Оно и понятно. Ведь перед их глазами – пример родителей.

Так живёт и служит 46-я ОВБрОН – гарант спокойствия и мирной жизни в республике. Бригада переднего края...

★
Майор
Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото Александра КУЗНЕЦОВА,
Алексея АРЕХОВА
и из архива 46-й ОВБрОН

“ТРИДЦАТЬЧЕТВЁРКА” БАНДИТАМ СПУСКУ НЕ ДАЁТ



34-й отряд специального назначения самый молодой в войсковом спецназе. Тем не менее здесь уже сложились традиции, есть свои герои. В боевую летопись 46-й бригады его бойцы успели вписать немало ярких строк. В соединении, куда структурно входит отряд, эту воинскую часть обычно называют по её номеру – “тридцатьчетвёркой”. Аналогии с легендарным танком Великой Отечественной напрашиваются не случайно: 34-й ОСпН внутренних войск – это тоже быстрота, сила и натиск.

- Наш отряд сформировался в сентябре 2009 года на базе 351-го отдельного батальона оперативного назначения бригады, – рассказывал начальник группы кадров подполковник Сергей Прохоренко. – Люди собрались из разных мест: кто-то, как и я, перешёл из БОНа или других частей бригады. Кто-то приехал с Большой земли. Ядро составили спецназовцы, переведённые из 7, 15, 17-го отрядов, разведбата бригады.

Командир отряда сразу определил кадровую политику: кто хочет быть настоящим профессионалом, с тем будем работать – учить и помогать, а тех, кто разочаровался, понял, что служба в спецназе не для него, не станем задерживать! Коллектив, если можно так выразиться, приводили к нормальному бою по принципу: минимум – рассказ, максимум – показ и тренировки до седьмого пота. И вскоре примерно половина прибывших, тех, кто “ошибся дверью”, отселялся...

Майор Роман Федяев – старший помощник начальника штаба отряда по боевой подготовке. В составе 17-

го отряда специального назначения принимал участие в боевых действиях в Дагестане и Чечне, был ранен, удостоен двух орденов Мужества. Вот что я услышал от него:

– У нас очень много времени уделяется занятиям по боевой и специальной подготовке, которые обязательно проходят с отработкой ситуаций, какие только могут возникнуть в реальном бою. Командир отряда полковник Меркулов контролирует учебный процесс, регулярно сам проводит занятия. А алгоритм у нас такой: одну неделю находимся на операции, другую – учимся. Все выкладываются на занятиях по полной, прекрасно понимая: бой – экзаме́н суровый, беспощадный.

Спецназовцам приходится иметь дело с серьёзным противником, неплохо подготовленным к партизанской войне. Оперативная информация и сводки это подтверждают. Поэтому никаких шапкозакидательских настроений! Враги – не вчерашние чабаны-трактористы, как было когда-то, они натренированы и хорошо обучены. Однако парням из “тридцатьчетвёрки” даётся их перенгивать. За неполные десять месяцев этого года они приняли участие в двух десятках специальных операций, ликвидировали несколько лесных баз и схронов, изъяли большое количество оружия, боеприпасов, самодельных взрывных устройств. Ими уничтожено и задержано несколько членов бандитского подполья. При этом в отряде не было ни одной потери.

“Непримиримые” скрываются в лесах и горах, чувствуют себя там как дома. И чтобы одолеть бандитов, нужны не только отработанные тактические приёмы и отточенные навыки – необходимо что-то большее: импровизация, сверхчутьё и – ментальная реакция! Ведь порой исход боестолкновения решают доли секунды. Упределил, значит – победил.

Этими качествами в полной мере обладают наиболее опытные, бывалые воины “тридцатьчетвёрки”. На заре становления войскового спецназа таких, как они, называли ма́терями. Одним из них вполне можно считать командира 2-й группы специального назначения майора Александра Девяткина, которого недавно выдвинули на должность начальника разведки отряда. На его личном счету несколько десятков разведывательно-поисковых ме-



роприятий и адресных проверок, в ходе которых по подозрению в причастности к бандподполью было задержано 16 человек, изъято свыше десяти единиц различного стрелкового оружия, около 2000 боеприпасов к нему, обезврежено несколько самодельных взрывных устройств. Особенно урожайной на такого рода находки выдалась прошедшая весна...

В марте этого года Девяткин со своей группой работал в лесу, в Урус-Мартановском районе Чечни. Искания очередную базу кочующего со своим штабом “командующего юго-западным фронтом” Тархана Газиева. Находясь в поиске, Александр каким-то сверхчутьём почувствовал опасность. Остановил цепочку, вызвал сапёров, потребовал, чтобы те обследовали сомнительный участок. Сам снял верхний слой земли, под которым сапёры действительно обнаружили минную ловушку – если бы рвануло, в отряде точно были бы потери. Продвигаясь дальше, Девяткин нашёл и тщательно замаскированный тайник с боеприпасами, из которого спецназовцы извлекли шесть выстрелов от гранатомёта, снаряжённую патронами пулемётную ленту, две гранаты...

Через 10 дней, во время проведения разведывательно-поисковых

мероприятий в Ачхой-Мартановском районе, отличился другой бывалый воин – командир взвода 3-й группы специального назначения старший прапорщик Олег Чмых. За его плечами уже было 28 аналогичных операций, в ходе которых по подозрению в причастности к “лесным братьям” задержано 13 человек, изъято 6 единиц различного стрелкового оружия, около 1500 боеприпасов к нему, обезврежено несколько мин и самодельных взрывных устройств.

В этот раз, осторожно продвигаясь по проснувшемуся от зимней спячки лесу, Олег шёл во главе разведдозора. Он сам определил себе место впереди группы, словно чувствуя, что сегодня его опыт, сноровка, наметанный глаз понадобятся именно в авангарде. Растяжку –натянутую поперёк дороги тонкую леску, на обратном конце которой притаилась смерть, он заметил в последнюю секунду: замаскирована она была мастерски. Олег чертыхнулся – он знал, что в отряде местного бандглаваря Аслана Бютукяева, на которого охотились спецназовцы, есть умелые подрывники. Балансируя на одной ноге, едва удерживая равновесие с набитым под завязку РД за спиной, он подал команду: “Внимание: обнаружена мина на растяжке!” А затем, не



дожидаясь сапёра, сам обезвредил её.

Таких эпизодов в боевой практике спецназовцев – десятки. Крепкие парни служат в “тридцатьчетвёрке”, надёжные, проверенные, сплочённые. С каждым днём растёт их мастерство. И в этом первостепенная заслуга командира отряда, которого бойцы и офицеры называют своим двигателем.

* * *

Командир отряда полковник Виталий Меркулов, что называется, с молодых ногтей привык всё делать на совесть. С отличием окончил Северо-Кавказский военный институт внутренних войск МВД России, успешно отучился в Общевоинской академии. Достоинно проявил себя во время боевых действий в Чечне – награждён медалью Суворова.

С курсантских лет Виталий видел себя только в спецназе. Когда у него появилась возможность выбрать место службы, попросился в легендарный “Росич” – 7-й отряд специального назначения. Прибыл, представился командиру, полковнику Игорю Семину, и фактически сразу был направлен в горячую командировку.

– Старшие товарищи помогли вписаться в обстановку: советовали, делились опытом, – вспоминает



НА БОЕВОМ ПОСТУ

Меркулов. – Всё это происходило без диктата, ненавязчиво, в совершенно спокойной, естественной манере, без накачек и нервотрёпки.

Никто не доставал мелочной опекой, не гасил инициативу, не навязывал собственного мнения или способа решения той или иной служебной проблемы, не мешал вживаться в должность. Но и в помощи, если обращался за ней, никто из старших товарищей не отказывал. Наглотаешься водицы – вытащат, откачают, подскажут. А дальше – опять пльвы сам... Это была очень хорошая, настоящая спецназовская школа, которая много мне дала как командиру. И у себя в отряде я поставил дело так же.

Когда Виталию Владимировичу предложили занять должность командира 34-го ОСпН, он согласился сразу: было интересно начинать на новом месте такое большое дело – формировать отряд. Работы, особенно на первых порах, было непочатый край! Но недаром же полковника его подчинённые прозвали двигателем. И в установленные сроки “тридцатьчетвёрка” встала в боевой строй.

Как человек настойчивый и целеустремлённый, Меркулов и в людях эти качества ценит больше всего. Скажем, один боец, когда пришёл в отряд, уже подтягивался 20 раз, но за год больше не прибавил. А другой, начав с пяти раз, каждый месяц добавлял понемногу и к концу года сравнялся с первым. И именно его командир отметит, потому что ему нужны не рекордсмены, а люди,



умеющие добиваться поставленных целей, работать над собой. Ведь в реальном бою стойкость, находчивость, самообладание проявляют зачастую те, кто не отличается огромным ростом, пудовыми кулаками. Нередко это бывают люди неприятные на вид, но имеющие внутреннюю силу. Разглядеть её в подчинённых, вызвать к жизни, направить – задача командира.

И полковник Меркулов это делать умеет. В каждом подчинённом Виталий Владимирович прежде всего старается разглядеть человека со всеми его слабостями и проблема-

ми, достоинствами и недостатками, жёстко отсекая лишь те, что могут помешать службе. При этом он прекрасно понимает, что нельзя всех стричь под одну гребёнку – к каждому свой, индивидуальный подход нужен. Но уж если пришёл в спецназ, должен выкладываться максимально, показать всё, на что способен.

Сам командир, чей авторитет в отряде непрерываем и доверие к которому имеет моральное право наставлять, требовать и спрашивать с каждого из своих спецназовцев, даже с тех, кто на 10-15 лет старше его...

Прощаясь, мы договорились с полковником продолжить наш разговор на следующий день на полигоне. Однако ночью спецназовцев подняли по тревоге, и в считанные минуты они, растворившись в темноте, ушли выполнять боевую задачу.

– Извини, брат, что так вышло, – перезвонил мне в назначенное на утро время встречи командир “тридцатьчетвёрки”, – надеюсь, поговорим в другой раз.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото Александра КУЗНЕЦОВА
и из архива отряда

Фамилии военнослужащих изменены



НОЯБРЬ 2010

Ноябрь – богатый месяц на праздники для служивого люда. День разведки, День милиции, День Ракетных войск и артиллерии... У “летучих мышей” 46-й ОБрОН два главных для них праздника разделяют всего четыре дня. В 2010 году сразу же после праздника родной бригады военнослужащие 352-го отдельного разведывательного батальона отметили свой профессиональный праздник. О боевых буднях разведбата можно написать целую книгу. Вот только, увы, все подвиги, уникальные спецоперации, блестяще проведенные разведчиками, находят, как говорится, за семью печатями, и рассказывается о них лишь сухими строчками секретных спецдонесений. И всё же для нашего корреспондента было сделано исключение. Один из ветеранов части согласился поведать об операции, в ходе которой были уничтожены несколько боевиков, находящихся в розыске ещё с первой чеченской войны.



КАПКАН ДЛЯ СУЛТАН-ИДРИСА

Случилось это в те годы, когда ещё в республике было ой как неспокойно, а в горных районах ваххабисты и прочие “непримиримые” хозяйничали, как у себя дома. Информации о них не было практически никакой: местные жители тогда редко шли на контакт. И вовсе не потому, что поддерживали этих отморозков. Наоборот, ненавидели их пуще смерти и звали их, все как один, “шайтанами”. Но и нам, войскам, и только-только набравшей силу местной милиции доверия было тоже мало. Однажды, когда в Нском районе шла совместная спецоперация, разговорились мы с пожилым чеченцем по имени Иса. Как раз тогда поступили к нам данные, что в их село частенько наведывается один из бандитских главарей – Султан-Идрис. Ну мы и решили аккуратно, что называется, тет-а-тет, переговорить со стариком: Иса из

местных к нам по-доброму относился и нечисть эту ваххабистскую на дух не переносил.

Вот только старик напрочь отказался нам пособить в плане информации.

– Ты, командир, – говорит, – не обижайся, но веры вам пока нету. Который уже год вы за Султаном охотитесь, а ему всё нипочём. Вот и сейчас ползайте по горам, вернётесь в свою бригаду, а он со своими отморозками ночью в село нагрянет и всем, кто вам помогал, головы поотрезает. Я-то смерти не боюсь – пожил уже достаточно, но ведь эти шакалы не только меня, но и дочек с внуками убьют. А ими я рисковать, уж прости, не буду! Тем более теперь мне свою семью и защитить-то нечем – в прошлый раз единственное ружье ваши с нашими милиционерами изъяли...

Возразить старику было нечем. Это мы тут появляемся вооружённые до зубов, да под прикрытием

брони и артиллерии. А кто просто-го крестьянина защитит? Не выставишь же взвод круглосуточно его семью охранять? А коли так, то одно остаётся – Султана с его бандой поскорее со счетов списать...

Месяц или полтора с того разговора прошёл, и вновь нас бросили в N-ский район на “спецуху”. По информации от “смежников”, там на одной из баз вроде как Басаев объявился. Забегая вперёд, скажу, что одноногого Шамиля мы там не обнаружили, зато кое-кого накрыть удалось... Впрочем, обо всём по порядку.

Целый день мы в горах километры нарезали, а когда уже совсем стемнело, решили привал устроить. Обосновались на склоне, охранение выставили... Вот тут-то один из бойцов, у которого прибор ночного видения был, и утлядел в каких-

то трёхстах метрах “духовское” логово...

База оказалась обитаема, да ещё как! Только я там человек пятнадцать насчитал. В принципе, как действовать в подобной ситуации, каждый знает: связаться с ВПУ, вызвать подкрепление и, дождавшись братишек, обложить отморозков со всех сторон. Ну а дальше, как говорится, дело техники. Да только в этот раз “душары” явно сваливать собрались, и пока наши подспеют – уйдут шайтаны, как пить дать! А нашей малой группой попытаться штурмовать их базу тоже нерезально.

И тут идею подал не кто-нибудь, а прапорщик-сапёр, которого ещё вместе с двумя контрактниками из инженерного батальона к нашей группе придали. Понаблюдал он в ПНВ на пару со мной за этими чертями, а потом и говорит:

– База их вокруг заминирована, и добротнo. Но я там проход вычислил, по которому они между футасами да растяжками шастают.

– И что ты предлагаешь? – спрашиваю.

– Есть у меня мысль: я с одним из своих парней потихоньку проползу туда и в этот проход ятак “помок” поставлю. Они, как сваливать будут,

А когда утром мы на ВПУ вернулись, мне передали, что какой-то

чеченец по мою душу заявился. Я сначала грешным делом подумал, что кто-нибудь из родичей или общников уничтоженных “духов” решил мне отомстить и, надев пояс со взрывчаткой, ждёт меня для “конкретного разговора”.

Но когда к крайнему посту охраны подошёл, то увидел знакомого “жигуль-копейку”, а возле него – Ису.

– Какими судьбами? – спрашиваю его удивлённо.

– Да такими, – отвечает он мне. – Ты же, помнится, кукурузных лепёшек отвезать хотел? Так держи, свежие, утром жена испекла!

У меня аж глаза на лоб полезли: чего он несёт? Какие ещё лепёшки? А потом гляжу, старик мне знак глазами подаёт.

Подошел к нему, поздоровался, принял от него кулёк с гостинцами, а он шепчет мне:

– Этой ночью в горах банду Султан-Идриса хорошенько потрепали. Много его отморозков погелло, и сам он ранен...

“Ничего себе! – думаю. – Вот, оказывается, кого мы накрыли!” А Иса тем временем продолжает:

– В общем, сейчас этот шайтан у нас в селе ещё с двумя своими шакалами прячется. В крайнем доме, который со стороны шоссе...

Нет, врать не буду, не удалось нам, как хотели, живём Султана по-вязать. Как только мы дом окружили, два его подельника давай из окон стрелять. Наверное, каждый магазина по три высадил, куда их обоих наш снайпер навеки не угомонил. А когда в само строение вошли, этот главарь ваххабистский гранату выхватил – тут уж волея-неволей пришлось его очередь из “калаша” предупредить.

Зато потом, после того, как Султан-Идриса и его банду мы полностью со счетов списали, и у местных к нам доверие появилось. Уже через пару месяцев по их наводке наши вместе с местной милицией ещё нескольких шайтанов уничтожили. Впрочем, это уже другая история...

★

Записал
Николай КЛИМОВ
Фото из архива редакции



ОПЕРАЦИИ В БРОНЕЖИЛЕТАХ

Э то случилось три года назад, когда боевики обстреляли грозненский полк милиции. ...Вначале Усман почувствовал осязаемый удар в бедро – будто увесистым булыжником засадили. Но в следующую секунду боль обжигающей волной захлестнула тело. По инерции милиционер пробегал ещё несколько метров и рухнул на землю, теряя сознание. Когда коллеги вытащили ранено-

го товарища из-под обстрела, их взору предстала страшная картина: из развороченного бедра младшего сержанта Салаева торчала... неразорвавшаяся граната от подствольника. В городской больнице милиционеры отказались оперировать наотрез: «Я хирург, а не сапёр!» – заявил товарищам Усмана пожилой врач. Чуть подумал и добавил: – Знаете что? Везите-ка вы его в Северный, в медсанбат “вёзашной” бригады. Если кто тут и сможет помочь, то только тамошние спецы!»

...Осмотрев раненого, командир отдельного медико-санитарного батальона 46-й ОБрОН подполковник медицинской службы Сергей Шарков принял решение мгновенно: “разминировать” милиционера придётся не в операционной, а в дальнем гаражном боксе для бронетехники, предварительно эвакуировав всех людей, кто находится поблизости. А извлекать из тела Усмана смертоносный заряд доверил одному из самых опытных хирургов, майору медицинской службы Ивану

Зорину. Ассистировать врачу выдалась операционная медсестра сержант медицинской службы Джульетта Темирханова.

Облачившись в бронезилеты и каски, медики приступили к делу. Иван Михайлович вручную прощупал рану, точно определил, где находится взрыватель, а затем аккуратно вытащил из тела “гэпэшку”, которую тут же приняли стоявшие за спинами врачей сапёры... А майор продолжил оперировать раненого – пока ещё оставался шанс сохранить милиционеру ногу.

Жизнь – суровая штука, тем паче там, где стреляют. Однако и в ней случаются рукотворные чудеса. Хирурги медсанбата сумели спасти сначала от смерти, а после и от ампутации своего товарища по оружию.

Случай с младшим сержантом милиции Усманом Салаевым – лишь эпизод из боевой биографии медиков 46-й бригады. И не единственный, когда во время операции жизнь врачей, как и пациента, висела на волоске. Не так давно докторам пришлось подобным образом “разминировать” ещё одного милиционера – неразорвавшаяся граната от подствольника угодила ему в руку. А извлекал смертоносную игрушку на этот раз другой хирург – капитан медицинской службы Сергей Гушин.

На счету военных врачей не одна спасённая жизнь. Причём не только людей в погонах.

– Нередко приходится оказывать помощь местным жителям, – говорит командир медико-санитарного батальона 46-й ОБрОН подполковник медицинской службы Сергей Шарков. – В ряде случаев, особенно когда больному требуется срочная операция, местные бригады “скорой помощи” везут их напрямую к нам. Не секрет, что в городских больницах пока не везде хватает квалифицированного медперсонала, а у нас есть все специалисты, причем, скажу без преувеличения – каждый из них стоит троих.

Взять, к примеру, старшего лейтенанта медицинской службы Ольгу Мелихову. За последний год ей пришлось не раз принимать роды у местных жительниц. Причём несколько раз даже в главной городской больнице доктора разрешили руками – мол, медицина здесь бесследна: маму, может, и удастся спасти, а малыш уж точно не жилец. А

наш гинеколог Ольга Аркадьевна сумела сделать так, что и родительницы и новорожденные остались живы, и к тому же – абсолютно здоровы.

У нас служат талантливые люди. Такие, как хирург майор Анвар Хакимов, анестезиолог капитан медицинской службы Евгений Николаев, начальник терапевтического отделения капитан медицинской службы Алексей Митяев... Да, в принципе, – улыбнулся Сергей Дмитриевич, – проще взять список личного состава батальона... Почти каждый в своём деле, как говорят военные, Спец с большой буквы.

...Наш разговор с командиром медсанбата прервал телефонный звонок.

– Понял, – выслушав абонента, коротко отозвался Сергей Дмитриевич. – Только что сообщили, – пояснил он мне, – в Веденском районе боестолкновение, четверо раненых. К нам везут.

Дальше всё происходило как по нотам – я только успевал удивляться, как быстро и слаженно действовали бригадные врачи. Мы с подполковником Шарковым только успели выйти на крыльцо штаба батальона, а к взлётной полосе уже во весь опор неслись два санитарных “уазика”, и четыре бригады медиков готовили операционные.

Вскоре послышался рокот садящихся вертолётчиков, доставивших “таблетки”, и не прошло и пяти минут, как каждому из раненых уже занялись хирурги. Во дворе медсанбата остались лишь я и несколько местных милиционеров из 2-го полка милиции специального назначения имени Ахмата Кадырова во главе с высоким седым подполковником по имени Хамзат.

– В зелёнке на “шайтанов” наткнулись, – начал рассказывать он мне. – Эти наши парни как раз в головном дозоре шли, ну и, как говорится, лоб в лоб. Можно сказать, первый удар на себя приняли. Мухлат и Юсуп с Пашей точно выкарабкаются, а вот Эльбек, может, и нет – серьёзно его зацепило... Осколок в голову... – Милиционер замолчал, потемнев лицом.

– Ладно, командир, – попытался усюкнуть офицера один из подчинённых. – Дмитрий со своими спецами и не таких тяжёлых с того света вытаскивал! Даст Аллах, и Эльбека спасут.

– Вот именно, – кивнул подполковник. – Остаётся только на Всевышнего уповать да на Сергея с его врачами...

То время, пока шла операция, показалось нам вечностью. Милиционеры нервно ходили по асфальтовому пятачку перед хирургией, сквозь зубы поминая боевиков крепким словом, или молчали, в душе моля Бога, чтобы их товарищ остался жив.

Наконец в дверях показались хирурги, оперировавшие Эльбека. Первым шёл комбат.

– Ну как?.. – с затаённой надеждой в голосе поспешил к нему Хамзат.

– Нормально всё, – стало улыбнулся Сергей Дмитриевич.

– Выживет?.. – очевидно, всё ещё не веря услышанному, переспросил Хамзат.

– Естественно. Жить будет. И служить тоже. Правда, несколько месяцев придётся потерпеть – мы же не волшебники, чтобы в одночасье его в строй вернуть!

– Сложно, наверное, вот так одновременно четыре операции проводить? – поинтересовался я у командира медсанбата, когда мы вновь вернулись в его кабинет.

– Да в принципе нет, – улыбнулся он. – Сегодняшний случай для нас – обычная каждодневная работа. А вот восемь лет назад нашим врачам пришлось действительно потрудиться, как говорится, на пределе сил и возможностей. Если помните, тогда в декабре две тысячи второго года начинённый взрывчаткой грузовик взорвался во дворе республиканского Дома правительства. В те дни несколько суток кряду, без отдыха и сна пришлось вести борьбу за жизнь множества людей: охранявших комплекс военных и милиционеров, сотрудников аппарата правительства и простых граждан, на свою беду оказавшихся рядом с эпицентром взрыва. К счастью, подобного больше не случилось. Да и раненых сейчас куда меньше, чем в те годы.

...Дай бог, чтобы на этой земле не поднимались в небо вертушки с “трёхсотыми” на борту, а врачам не приходилось, рискуя жизнью, проводить операции в бронезилетах.

★
Майор
Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото Александра КУЗНЕЦОВА

ЧЕМПИОН СТРЕЛЯЮЩИХ ПОЛИГОНОВ



Про капитана Дениса Вязмитина в журнале “На боевом посту” мы уже писали. В 2006 году во время соревнования артиллеристов на Кадамовском полигоне Северо-Кавказского регионального командования он был признан лучшим командиром батареи во внутренних войсках. В 2008 году офицер вошёл в пятёрку лучших артиллеристов страны на Всеармейских соревнованиях в Луге. Прошло два года, и мы вновь встретились с офицером-артиллеристом по весьма знаменательному поводу. По итогам соревнования артиллеристов, которое прошло на полигоне Кадамовский в сентябре 2010 года, капитан Денис Вязмитин стал лучшим командиром артиллерийско-зенитного дивизиона внутренних войск.

Гороховецкий полигон широко раскинул свои директрисы для практической стрельбы и учебные точки по полям и лесам Нижегородской области. Здесь в жару и холод, под палящим солнцем и проливным дождём совершенствуют своё ратное мастерство артиллеристы богородской бригады оперативного назначения. Сегодня один из контрольных этапов полевого выхода – батарейное тактическое учение с боевой стрельбой.

В прохладном осеннем воздухе звонко разносятся хлопки миномётных выстрелов. Порой мне кажется, что тяжёлые 120-мм мины с лёгким

шуршанием пронзают низко стелющиеся облака прямо над моей головой. В трёх километрах от командно-наблюдательного пункта вырастают тёмные кусты разрывов. Раскалённые осколки безжалостно крошат фанеру и железо мишеней. Через несколько секунд гулкое эхо разрывов мощно прокатывается по полигону. А затем во внезапно наступившей тишине отчётливо слышится голос капитана Вязмитина:

– Поздравляю, Алексей Геннадьевич! Молодец, “замполит”! Порадовал. Оценка “отлично”.

Покрасневший от похвалы заместитель командира первой миномётной батареи по работе с личным сос-

тавом старший лейтенант Алексей Селиванов опускает бинокль и уступает место командиру первой миномётной батареи капитану Андрею Илларионову. Стрельба продолжается. Новая вводная:

– Ориентир пять. “Колодец”. Вправо двадцать. Выше пять. Пулемёт противника. Засечь. Уничтожить!

* * *

С момента нашей последней встречи уже прошло несколько лет, а капитан Денис Вязмитин почти не изменился. Всё тот же открытый, спокойный, уверенный взгляд. Та же ладная, плотно обтянутая полевой формой спортивная фигура. Даже капитанские звёздочки, на моё удивление, всё те же. Хотя офицер уже десять месяцев командует артиллерийско-зенитным дивизионом отдельной бригады оперативного назначения Приволжского регионального командования внутренних войск. А до этого почти два года в этом же подразделении руководил штабом. Ну да не в звании дело. Как известно, русские солдаты и офицеры не за чины и не за награды служат.

С лейтенантом Денисом Вязмитиным, выпускником Коломенского артиллерийского института, мы понакомились шесть лет назад в Аргуни, где в то время находился пункт временной дислокации бригады. Ещё совсем недавно Денис даже понятия не имел, что у внутренних войск есть своя артиллерия. Но не зря же аббревиатуру ВВ последние двадцать лет зачастую расшифровывают так: войска воюющие. Оказалось, у нас есть и пушки, и гаубицы, и миномёты, и зенитные установки. Конечно, артсистемы, стоявшие на вооружении в войсках правопорядка, калибром и мощностью несколько уступали армейским, зато офицерам-артиллеристам внутренних войск боевого опыта было не занимать. Так что совсем скоро лейтенант Вязмитин вместе со своей миномётной батареей, в которой он командовал взводом управления, вёл уже не учебный, а боевой обстрел плановых и неплановых целей. Подсвечивал цели. Поддерживал огнём действия спецназовцев и разведчиков. За умелое руководство стрельбой и отличные результаты в боевой подготовке Денис Вязмитин был награждён медалью Суворова. А вскоре толкового офицера назначили командиром второй миномётной батареи.



В 2006 году капитан Денис Вязмитин побеждает на соревнованиях по полевой выучке среди командиров батарей внутренних войск. В 2008 году на Всероссийских соревнованиях в Луге входит в пятёрку сильнейших комбатом страны. Успехи офицера были отмечены командованием, и вскоре ему предложили должность начальника штаба АЗДН. Через месяц напряжённой работы Денису всё чаще вспоминалась военная шутка: «Начальник штаба должен знать всё! А командир – только где находится начальник штаба».

Ежедневно, задерживаясь допоздна на службе, капитан Вязмитин с грустью вспоминал свою прежнюю должность командира батареи и начинал перебирать груды служебных заданий, планов, карт и всевозможных бумаг, возвышающихся на рабочем столе подобно белоснежному пику Монблана. Да, быть начальником штаба дивизиона оказалось намного сложнее. Совсем другой уровень ответственности и объём задач. Если, будучи комбатом, он больше занимался с солдатами и сержантами, то теперь львиную долю служебного времени тратил на планирование и учёбу офицеров. Для того, чтобы быть настоящим артиллеристом, необходимо постоянно учиться. Не зря ещё Пётр I говорил: «Стрельба артиллерии – не токмо прохот пушек, но и наука великая!»

Каждый год в АЗДН приходят новые офицеры, сержанты и солдаты. Все они считаются артиллеристами. Одни попали в артиллерию по приз-

ходимо уметь пользоваться: лазерными дальномерами, GPS-навигаторами, буссолью. А лейтенанты иногда даже не знают, с какой стороны к ним подойти.

Но вместе с тем артиллерийская наука – дело живое. Главное, чтобы у офицеров было стремление к учёбе. Всем премудростям здесь научат. И командовать, и считать, и стрелять.

Намного сложнее обстоят дела с контрактниками. Когда бригада воевала в Чечне, весь личный состав батареи был укомплектован солдатами и сержантами контрактной службы. А после возвращения в пункт постоянной дислокации контрактники потихоньку уволились. Понять их можно: жилья нет, служебная нагрузка растёт, а зарплата маленькая.

В феврале 2010 года капитан Денис Вязмитин становится командиром артиллерийско-зенитного дивизиона. Да, далеко не каждому офицеру-артиллеристу дано за неполные шесть лет вырасти от комзвода до комдива. На правах старого знакомого подначиваю офицера: «Голова от успехов не кружится?» В ответ Денис только вздыхает:

– Кружится, да только не от успехов, а от повседневных забот. Каждый день кружусь как белка в колесе.



Жена меня дома не видит. Сейчас вот месячный полевой выход. Есть возможность потренировать солдат и офицеров в боевой стрельбе. Конечно, в части мы тоже проводим плановые занятия. А еженедельно по четвергам у нас день артиллерийского огня, когда мы проводим комплексные тренировки по решению огневых задач, определению и вычислению баллистических и метеорологических отклонений. А затем в специально оборудованном классе управления огнём артиллерии с помощью компьютерной программы «Артерра» все офицеры отдают необходимые команды по компьютеру и сразу же на экране, так сказать, вочию, видят результаты своей стрельбы. Но всё это теория, а вот практика – совсем другое дело.

Артиллерия – оружие коллективного пользования, и результат стрельбы напрямую зависит от чёткой, согласованной работы расчёта. А его теперь приходится готовить в укороченные сроки. Но не в этом дело. Мы номеров расчётов, наводчиков и командиров отделений разведки успешно готовим своими силами. Проводим сборы и присваиваем им звания младших сержантов. А вот командиры расчётов к нам приходят из учебной части, и зачастую это просто обуза. Причём дело не только в неумении считать, этому-то мы как раз научим. Просто нет у некоторых из них командирской жилки! Иногда придёт младший сержант, с виду по-

ха-матюха, а как скамандует, так аж душа радуется, а другой богатейской стати, а на деле – ни рыба ни мясо. Порой мне кажется, что лучше нам самим готовить и назначать командиров. Было бы больше толку. Тем более такой опыт имеется. А то получается – сержант вроде бы есть, а пользы от него нет. Сейчас стараемся на должности командиров расчётов назначать сержантов-контрактников. Дело хоть со скрипом, но продвигается. Думаю, это здорово облегчит обучение личного состава.

Ну а в целом стрельбы показали, что даже в такие короткие сроки (большинство солдат в дивизионе служит всего три месяца. – **Авт.**) мы успеваем подготовить личный состав...

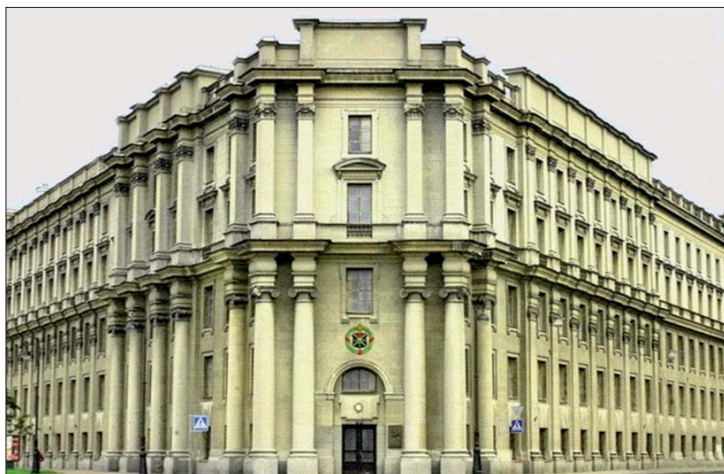
В палатку заходит офицер артиллерии штаба Приволжского регионального командования подполковник Алексей Филимонов, он контролирует проведение полевого выхода с первого дня. Быстро ухватив суть нашей беседы, офицер подтверждает слова командира дивизиона:

– Да, это так. Я высоко оцениваю организацию и проведение полевого выхода. А результаты батареечного тактического учения говорят сами за себя. Сегодня вторая миномётная батарея в установленное время совершила пятидесятикилометровый марш, развернулась и выполнила все запланированные боевые стрельбы, израсходовав пятьдесят две мины. Все огневые задачи отра-

ботаны на «хорошо». Считаю, что солдаты и офицеры артиллерийско-зенитного дивизиона способны вести огонь в любых условиях боя. Да что тут ещё говорить, если по результатам артиллерийского соревнования этого года капитан Денис Вязмитин – лучший командир дивизиона, а его воспитанник, старший лейтенант Андрей Илларионов – лучший командир батареи во всех внутренних войсках!

Новенький «уазик», подсаживая на ухабах разбитого полигонного просёлка, увозит меня от гулкого эха миномётных разрывов. Через пару часов езды, едва смахнув с ботинок дорожную пыль, оказываюсь в другом, параллельном мире. Далеко от выстрелов и продуваемых всеми ветрами палаток. В тиши штабных кабинетов. Где-то, в этих светлых помещениях, подписываются грамоты и благодарности, кому-то присваиваются очередные звания, ставятся печати на представлениях к государственным и ведомственным наградам. Почаще бы в эти списки и приказы попадали те, кто на полигонах и стрельбищах куёт славу доблестной артиллерии внутренних войск!

★
Подполковник
Николай ПЕТЕЛИН
Фото автора



ПРОФЕССИОНАЛИЗМ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ. РЕЗУЛЬТАТ

20 лет назад в Санкт-Петербурге в Военной академии тыла и транспорта начала свою работу кафедра тыла внутренних войск. Наш специальный корреспондент побывал в этом уникальном подразделении.

Подготовка руководителей тылового обеспечения внутренних войск велась достаточно давно, практически с середины прошлого века. Специалисты-тыловики войск правопорядка готовились на базе 1-го командного факультета Военной академии тыла и транспорта имени генерала армии А.В. Хрулёва. Тогда офицеров-слушателей из внутренних войск было немного, учились они по 1-3 человека в смешанных отделениях по программам Минобороны.

Об истории создания отдельной кафедры тыла внутренних войск рассказывает заместитель командующего ВВ МВД РФ по тылу – начальник тыла генерал-лейтенант Николай Любченко.

– В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века в нашей стране сложилась геополитическая ситуа-

ция, которая значительно повысила востребованность подразделений внутренних войск. Войска правопорядка вынуждены были не только усилить свою постоянную боевую готовность, но и подтвердить её на практике. В связи с этим резко вырос спрос на высококвалифицированных специалистов – организаторов тылового обеспечения внутренних войск с глубоким знанием специфики служебно-боевой деятельности наших подразделений.

В соответствии с директивой Генерального штаба от 25 июля 1990 года была сформирована кафедра тыла внутренних войск, которая организационно вошла в состав командного факультета служб тыла ВАТТ имени генерала армии А.В. Хрулёва. В роли государственного заказчика на подготовку офицеров – специалистов тыла внутренних войск с высшим военным образованием выступил тыл ГКВВ МВД России. Кафедра с

1991 года начала готовить по трёх-летнему (ныне – двухлетнему) циклу обучения офицеров-слушателей по специальности “Управление тыловым обеспечением войск (внутренних)” для войскового и оперативно-го звена.

На сегодняшний день до 80 процентов руководства тылового звена составляют выпускники кафедры, многие проходят службу в ГКВВ и на руководящих должностях в оперативно-территориальных объединениях и соединениях ВВ МВД РФ.

Кадетская линия Васильевского острова, на которой расположена кафедра тыла внутренних войск, – место достаточно бойкое и шумное, но как только оказываешься на территории военного городка, петербургская суета отступает.

Вот только тишина, царящая на академической территории, наводит на грустные мысли.

Военная академия тыла и транспорта МО РФ, в которую структурно включена кафедра тыла ВВ МВД РФ, переживает сложный период своей истории. Два года, как приостановлен набор курсантов и слушателей, нет набора на заочное отделение, даже пограничники в этом году отказались от приёма слушателей на свою тыловую кафедру. Ликвидируются академические филиалы, закрываются факультеты, сокращаются и сливаются кафедры...

Однако на этом фоне кафедра тыла внутренних войск выглядит перспективно. Она, как ни парадоксально, оказалась на сегодняшний день палочкой-выручалочкой для всей Военной академии тыла и транспорта...

А теперь настало время дать слово начальнику кафедры, кандидату военных наук, доценту полковнику Александру Стельмаху.

– Двадцатилетний юбилей – повод для гордости, но не для чванства. Приоритет кафедры в стенах академии, её незапланированная роль “спасательного круга” обусловлены сложившимися обстоятельствами. У нас обучаются 36 слушателей-очников, 17 заочников, 2 адъюнкта и 4 офицера внутренних войск МВД Казахстана. В сумме с выпускным курсом офицеров-пограничников, одним офицером Федеральной службы охраны и 270 курсантами Министерства обороны на доучивании это количество обучаемых вполне позволяет головному звену академии сохранять свой статус высшего военного-учебного заведения, к тому же



прошедшего в 2009 году государственную аккредитацию. В этой ситуации оптимизм вселяет только то, что заказчик специалистов по тыловому обеспечению внутренних войск – Главное командование ВВ МВД РФ – уже принял решение о наборе слушателей на кафедру тыла внутренних войск в 2011 году.

Наша кафедра начала свою работу 25 сентября 1990 года, уже через два месяца после создания. Первый набор офицеров-слушателей состоялся в 1991 году, первый выпуск – в 1994-м. Мне, выпускнику 1996 года, посчастливилось руководить этим уникальным подразделением три предъюбилейных года. Основной же свой потенциал кафедра накопила под руководством начальника Василия Ивановича Романова, а затем Дмитрия Александровича Пяткина,

замечательных специалистов и педагогов.

За два десятилетия наш коллектив подготовил 308 специалистов в области тылового обеспечения, из них 78 завершили курс обучения с красным дипломом, 5 – с золотой медалью. Среди выпускников есть и высшие офицеры. Это заместитель командующего войсками Приволжского регионального командования по тылу – начальник тыла генерал-майор Юрий Ивашкевич и заместитель начальника ГУВД по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области по тылу – начальник тыла генерал-майор милиции Иван Абакумов.

Являясь ведущим подразделением по подготовке офицеров тыла с высшим военным образованием для войскового и оперативного звена ВВ МВД России, кафедра обеспечивает своими выпускниками все воинские части и учебные заведения войск правопорядка.

Учатся на кафедре и офицеры из стран ближнего зарубежья. С 2005 года у нас готовят специалистов тыла для внутренних войск МВД Республики Казахстан.

Кафедра обновляется и укрепляется своими выпускниками. Это доценты кафедры, кандидаты военных наук, доценты полковники Владимир Боднар и Сергей Ульященко, старший преподаватель кафедры, доцент полковник Игорь Сыромятников, преподаватели подполковники Олег Радченко и Анатолий Яремчук и многие другие. В коллективе 11 кандидатов наук, 7 доцентов и 2 профессора.

Большинство офицеров, проходящих службу на кафедре, – ветера-



ны боевых действий, не понаслышке знающие реальную картину тылового обеспечения подразделений внутренних войск в условиях локальных войн. Девять из них удостоены государственных наград. Свой боевой опыт они активно используют в учебном процессе.

Нельзя не сказать добрых слов в адрес руководства академии, которое уделяет нашей кафедре особое внимание. В прошлом году нам был предоставлен обучающий комплект компьютерной техники «Преподаватель». Заботится о нас и Главное командование внутренних войск. Тыл ГКВВ обеспечил кафедру комплектом оборудования для пункта централизованного ввода-вывода информации.

Наши преподаватели активно применяют инновационные формы и методы обучения. Стараемся как можно шире использовать уникальную историческую, культурную и научную базу Санкт-Петербурга. Деятельность кафедрального коллектива многогранна, но у нас есть девиз, который выражает цель и суть всех наших усилий: «Профессионализм. Эффективность. Результат».

Продолжил разговор заместитель начальника кафедры, кандидат военных наук, профессор полковник Николай Лашков.

– В учебных программах и тематических планах обучения наших

слушателей до 30, а в некоторых случаях и до 50 процентов времени отводится на специфику тылового обеспечения войск правопорядка. Конечно, армейский и наш тыл – это хоть и не небо и земля, но и не близнецы-братья. Многие из Минобороновских программ становятся «нашими» простым сокращением армейской тематики и добавлением тематики по внутренним войскам. Но есть и такой учебный материал, который касается исключительно внутренних войск. Например, «Службно-боевая деятельность бригады (полка) внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов и её тыловое обеспечение». Не надо при этом забывать, что внутренние войска – это войска постоянной боевой готовности, поэтому у «наших» тем нередко встречается также типовая концовка «...при выполнении службно-боевых задач в особых условиях».

Сейчас на кафедре реализуется двухгодичный (четырёхсеместровый) цикл подготовки слушателей. Завершается каждый учебный семестр итоговым командно-штабным учением. Лишь после первого семестра слушатели отчитываются по тематике МО РФ «Оборона мотострелкового полка и её тыловое обеспечение». Остальные семестры, а с недавнего времени и 4-й выпуск-

ной, завершаются КШУ по тематике, посвящённой исключительно внутренним войскам: тыловое обеспечение охраны ВГО и СТ, службно-боевая деятельность бригады оперативного назначения ВВ и её тыловое обеспечение и, наконец, тыловое и техническое обеспечение СБД регионального командования.

На заключительном КШУ наши выпускники выполняют свои служебные обязанности по одной из высших тыловых должностей – заместителя командующего региональным командованием по тылу – начальника тыла.

Когда я проходил под вечерним петербургским небом вдоль набережной адмирала Макарова, прощаясь с гостеприимной академией и её уникальной кафедрой тыла внутренних войск, меня не покидала уверенность в том, что здесь и впредь будут готовить отменных офицеров – специалистов тыла для войск правопорядка. Ведь на кафедре трудятся истинные профессионалы.

★
Полковник

Александр КРЫСАНОВ

Фото из архива кафедры тыла внутренних войск Военной академии тыла и транспорта



ЗВЁЗДЫ, ЗАЖЖЁННЫЕ УЧИТЕЛЯМИ

Пять лет назад я уволился с военной службы, но связи с войсками не теряю – возглавляю ветеранскую организацию старших офицеров внутренних войск Курского гарнизона, постоянно бываю в местном полку, где продолжают служить мои вчерашние воспитанники и подчинённые. Выступаю перед солдатами и офицерами с беседами. Как мне там не бывать, если, помним командиром полка полковником О.А.Фадеевым весной 1988 года одним Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены за Афганистан орденами: он – Красной

Звезды, я – Красного Знамени. Тогда мы были в разных званиях, должностях и в разных провинциях ДРА. Но от этого суть дела не меняется – одна была война... Я и донныне являюсь постоянным читателем журнала «На боевом посту». Не скрою, всегда с особым интересом читаю публикации моего старинного друга Бориса Васильевича Карпова. Во всяком случае его материалы о бывшем нашем командующем генерале армии И.К.Яковлеве, а наряду с этим очерки о А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, о Георгиевском кавалере генерале М.И. Урасове, не только злободневны и актуальны, особенно для молодых офицеров, но и поучительны для всех остальных, по-

тому что будят, как говорится, и мысль, и чувства.

И вот я открываю очередную книжку журнала, № 7 текущего года, и вижу на первой странице публицистические заметки Бориса Васильевича – о проблеме наставника, воспитателя, учителя в войсках. Причём Учителя в высоком смысле этого слова. О его роли в воспитании молодого поколения защитников Отечества. Автор, как всегда, нащупал, на мой взгляд, одну из самых болезненных точек нашего бытия, когда рынок кое-кто пытается внедрить и в те сферы, где кроме вреда этого ничего не принесёт. И есть опасность того, что в этом рыночном угаре можно выплеснуть вместе с водой и ребёнка. А «ребё-



нок”, образно выражаясь, это многовековые наши войсковые традиции, нравственная, морально-психологическая, морально-боевая составляющая успехов и побед в ратном труде, которые, помимо знаний, умений, навыков, как раз и передаёт следующим поколениям, в основном личным примером, учитель в военной среде. Есть сегодня некая, на первый взгляд вполне безобидная, подмена ряда понятий, в том числе понятий “наставник” и “учитель” в военной сфере, вроде бы адекватными понятиями “администратор”, “шеф”, даже “военный менеджер”.

Руководителей, начальников и даже преподавателей у всех у нас в жизни хватало. Всех и разных. Временами отличных. Но всё-таки просто руководителей, администраторов, преподавателей – не более! Учителей же каждый из нас может насчитать по пальцам одной руки. Или, может быть, двух – кому особенно повезёт. Помните, слова Н.А. Некрасова, обращённые к умершему В.Г. Белинскому: “Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени”? Перед кем сегодня можно колени преклонить?

А ведь были совсем иные, недавние по историческим меркам времена, времена Великой Отечественной, когда не только преклонялись перед своими наставниками-офицерами, не только безбоязненно вручали им свои жизни, но и справедливо почитали их ещё и своими учителями на всю оставшуюся жизнь! У поэта-фронтовика Семёна Гудзенко (воевавшего, кстати, во внутренних войсках) есть такие строки: “Нас не нужно жалеть / – ведь и мы б никого не жалели. / Мы пред нашим комбатом, / как пред Господом Богом чисты”. Я часто, ещё на службе, думал об этой строке. Пред комбатом, как пред Господом! Каково! А ведь это мог быть и простой подполковник (что было редкостью) или майор, или капитан, даже старший лейтенант. И жил он на передке, по подсчётам Константина Симонова, на неделю-две больше ротного, а у того в пехоте, в разгар боёв продолжительность жизни была всего ничего – какая-то пара недель, согласно тому же Симонову. А вот поди ж ты, “как пред Господом!” Я не думаю, что командир роты переднего края в 41-м, у которого ранений было

больше, чем наград, Семён Гудзенко не знал, что такое художественное преувеличение, гипербола, и ради красного словца так выразился. Нет! Он всё прекрасно понимал, потому что всё пропустил совсем своё сердце. И писал правду, потому что комбат 41-го был для него самым воплощением России, Родины с её многовековой, тяжкой, кровавой историей! А пред Родиной, как пред Господом. Он ведь так и пишет далее, повторяя рефреном: “Мы пред нашей Россией и в трудные годы чисты”. Вот где ключевое слово – Россия!

Если ты отличный мастер своего дела или даже крупный специалист, но в твоих делах и помыслах лейтмотивом, как пульс, постоянно не бьётся слово “Россия”, в этом случае ты просто хороший специалист, хороший практик, преуспевающий хозяин, может быть, даже отличный руководитель, но не Учитель для окружающих тебя людей. Конечно, могут возразить: а что здесь плохого? Разве все могут или должны быть Учителями? Достаточно того, что большинство – просто прилежные ученики. И это тоже немало. Согласен, это правда. Но правда не вся. Учитель – это особый человек, с особым даром и особым статусом. Без истинных Учителей, их высокого морального авторитета, без их чистоты, стойкости, спокойной, несуетливой мудрости, а главное, беззаветного, бескорыстного и бесстрашного служения Отечеству трудно будет служить и другим.

Нашему поколению в своё время повезло. С первых же дней жизни мы были окружены участниками Великой Отечественной. Наши отцы и деды воевали. Наши школьные учителя тоже. Наши первые командиры и политработники в войсках почти сплошь были фронтовиками. И вот по прошествии стольких лет я вспоминаю всех их, рисуя, так сказать, их обобщённый образ. Что перво-наперво бросалось в глаза? Нечто неуловимое, но очень существенное. Я долго размышлял, что же именно? И вот как-то прочитал воспоминания о поэте-фронтовике Юрии Левитанском. И меня вдруг осенило. Вот! Вот именно этим все они, за редким исключением, и отличались от прочих людей. Когда Левитанский вышел из госпитали после тяжёлого ранения (а его жизнь висела буквально

на волоске) и побывал в отпуске в тылу, дома, в своём кругу, то первое, что ему бросилось в глаза: все ораторы, витни, “властелины дум” и доморощенные “титаны мысли”, которыми он восхищался совсем ещё недавно, были теперь для него как маленькие, несмышлёные дети, хотя подчас и с благородными сединами. А он, восемнадцатилетний, чувствовал себя среди них как умудрённый жизнью отец! Вот! Именно так!

Они, фронтовики, к нам, ещё щенкам, собственно говоря, относились добродушно, где-то насмешливо, по-доброму снисходительно. Как отцы. Причём такое же отношение было ко всем, кто не воевал. Я в детстве не раз наблюдал картину, когда фронтовики так же спокойно-снисходительно разговаривали со своими сверстниками и даже с теми, кто был старше, но не побывал на фронте. Причём эта снисходительность, повторяю, носила какой-то гуманный, необидный характер. Они не тыкали в нос свои награды, не кричали на каждого углу о своих заслугах. Они нам не говорили, хотя подчас имели полное право сказать словами М.Ю. Лермонтова: “Да, были люди в наше время, / не то что нынешнее племя / – богатыри, не вы!”

Нет, это началось уже значительно позже, в конце 70-х – начале 80-х, когда ушли из жизни те, кто встретил врага ранним утром 22 июня 41-го. Когда без берегов разлилась грубая лесь в адрес всех подряд участников войны. Но всё-таки у них, у тех, у настоящих, было какое-то общее чувство, если так можно сказать, посвящённых. Как будто они знали какую-то истину, которую никто из нас не знал. И это знание давало им определённое чувство превосходства. Добраго превосходства. Превосходства отца над любимыми детьми. И ещё они были (и есть пока, слава богу!) большими оптимистами. Жили именно так. Не случайно сказал о них Константин Симонов: “Ничто нас не может в жизни вышибить из седла”. Но когда фронтовики что-то начинали говорить, все мы затаили, чувствуя, порой интуитивно, огромную разность потенциалов, и не только возрастную. Мудрые люди утверждают: “Мало сказать правду, надо ещё так сказать, чтобы тебе поверили”. А им верили безоговорочно. Фронтовики как раз и были

для нас теми самыми Учителями, которым хотелось верить и подражать всегда и во всём. Я и по сей день благодарен судьбе, за то, что в лейтенантские годы служил под началом фронтовиков.

Вспоминаю ныне покойного своего первого комбата подполковника Павла Тихоновича Иванова. Он временами меня просто поражал! Вот пример. Прибывает команда молодых солдат из учебного центра. Добираются они в наш таёжный батальон очень долго, на перекладных. Все измучены, замёрзли. Обмундирование неподходящее, новое, на них топорищится. Картина многим знакомая. И вот комбат медленно проходит вдоль двухшереножного строя, в котором стоят десятки молодых людей разных национальностей, внимательно всматриваясь в их лица. Затем отводит меня в сторону и говорит примерно следующее: “Значит, так! Слушай внимательно и записывай. В первой шеренге пятый и десятый, а во второй седьмой и восьмой будут разгильдяями”. Иногда говорил и покрепче.

Я смотрю на него ошарашенно. Никаких бесед с молодыми солдатами ещё никто не проводил, потому что план ввода только составлен. Откуда у него такие сведения? Ну, ладно, из уважения и подчиняясь субординации, я не вступаю в спор. Принимаю как данность, записываю в свой блокнот.

Проходит месяца три-четыре, и, как говорится, не в бровь, а в глаз! Всё сходится в характеристиках, данных, казалось бы, на ходу! Я ему как-то впоследствии задал вопрос: как, мол, это у вас получается? Комбат сначала отмалчивался, а потом нам, молодым офицерам, рассказал один случай из своей фронтовой жизни.

А случай такой. Осенней ночью на один из участков фронта подошла маршевая рота с таким расчётом, чтобы с рассветом общими силами атаковать передний край противника. И вдруг в предрассветной мгле один красноармеец выхватывает из кармана гимнастёрки немецкую листовку, которая одновременно являлась пропуском в плен, поднимает руки вверх и бежит к немецким траншеям, которые расположены метрах в трёхстах. Пока пулемётчик из дежурного подразделения что-то сообщал да пока дал очередь – изменника и

след простыл. Тут прибегает с pistolетом в руке командир батальона и с криком: “Почему не знаешь людей с собой?” – устремляется к взводному... И вот этот суровый и одновременно сакраментальный вопрос “Почему не знаешь людей?” накрепко засел в голове тогда ещё сержанта Иванова. Вот что рассказал нам комбат.

Ещё раз представим ситуацию. Тяжёлые позиционные бои, дважды в атаку не ходят: или убит, или ранен в первой и единственной. Очередная маршевая рота подошла за несколько часов до рассвета и предстоящей атаки. Людей надо быстро распределить по подразделениям, пополнить боеприпасы, покормить, дать возможность хоть немного согреться и передохнуть. Затем боевая задача командирам – и в бой. И вот в этих условиях взводный должен узнать своих подчиненных, с которыми пойдёт в атаку, из которой и сам может не вернуться. Но это значения не имеет. Должен знать людей и точка! Не то ответишь по самым суровым законам. И не вспоминай об “уважительных причинах”. Таковых просто нет, потому что идёт война. Я уверен, тот рассказ подполковника Иванова глубоко запал в душу не только мне, но и всем, кто его слушал. В дальнейшей службе у меня было много всяких, в том числе и экстремальных, ситуаций, но я всегда помнил заповедь первого комбата – хорошо знать людей! Это всегда помогало, ибо это половина успеха.

Встречались в моей жизни и ветераны другой войны, которых по праву называли учителями. Вспоминаю в этой связи Афганистан. Был у меня боевой друг подполковник Вячеслав Михайлович Чекарёв, с которым мы плечом к плечу 10 месяцев ходили на операции, наездил на БТРах сотни километров в горах Гиндукуша по старой джалалабадской дороге, периодически попадая под обстрелы “духов”.

Вячеслав был прирождённый командир, что называется, “военная косточка”. Погиб он в Ереване (кстати, именно Борис Карпов написал о нём прекрасный очерк, опубликованный в журнале “На боевые посты” и других изданиях). Думаю, если бы Слава остался жив, то быть бы ему боевым генералом. Причём далеко не заурядным. Чек-

марёв даже среди военнослужащих-афганцев, которые его именовали “мушавер тактик”, слыл “муалемом”, т.е. учителем, за то, что он (и они это видели каждый день) всю свою душу вкладывал, работая с ними. Каждое нападение душманов на подразделение и посты полка, каждый их обстрел, засада, минирование участка местности, любые наши ответные действия: поиск, разведка, ну буквально всё, подлежало тщательному разбору у карты, у схем, а в первую очередь, на местности. И я видел, с каким вниманием эти дети гор слушали подполковника Чекарёва. Они, эти чужие, казалось бы, для нас люди, ему безгранично доверяли, потому что, оказав помощь командиру в принятии решения на боевые действия (а порой, что там греха таить, и просто приняв решение за командира афганского полка, который к тому же не возражал, а совсем даже наоборот), он тут же выдвигался в район, где подчас под огнём эрсов или миномётов противника стремился реализовать своё решение на практике. А кроме того, он не гнушался и взять лопату в руки для обустройства очередного укрытия или блиндажа, что повергло буквально в шок солдат-“сорбозов”, видевших в своих офицерах “сагибов”, т.е. господ.

Вот эта неразрывная связь слова и дела, не просто работа, а служба (от слова “служение”), преданность делу, горячая убеждённость в своей правоте, бескорыстие, справедливость, доскональное знание дела и высокий, не фуршетный, а настоящий русский патриотизм – вот далеко не полный перечень качеств, которые характеризуют Учителя в войсках.

Может быть, мои мысли кому-то покажутся небесспорными. Но глубоко убеждён в том, что в России пришло время собирать камни. И пусть пока ещё тёмная ночь на дворе, но, чем темнее ночь, тем ярче звёзды. Звёзды, в том числе зажжённые нашими Учителями. А их свет, как известно, доходит даже тогда, когда самой звезды уже нет.

★
Владимир ЗАЙЦЕВ,
полковник в отставке
управляющий делами
аппарата уполномоченного
по правам человека
в Курской области



ВСТРЕЧА С НАРОДНЫМ ПИСАТЕЛЕМ

13 октября в гости к военным журналистам приезжал народный писатель Туркменистана Рахим Махтумович Эсенов. Встреча началась с экскурсии в Центральный музей внутренних войск МВД России, где гость с особым интересом знакомился с экспонатами времён своей службы в войсках правопорядка. Затем Рахим Махтумович побеседовал с сотрудниками журнала «На боевом посту». В обстоятельном разговоре принял участие заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России по военно-научной работе генерал-майор Валерий Новожилов.

Рахима Эсенова хорошо знают читатели как в его родном Туркменистане, так и в России. Его романы «Предрассветные призраки пустыни», «Тени жёлтого доминиона», «Легион обречённых» миллионными тиражами разошлись в СССР, были переведены

на многие языки. В них рассказывается о борьбе с басмачеством в Средней Азии, о противостоянии чекистов агентам иностранных разведок. Произведения Эсенова всегда отличались психологической глубиной, честностью, искренностью, любовью к родной земле. Они и сегодня пользуются спросом. Так, совсем недавно в мос-

ковском издательстве «Вече» были переизданы три его книги о чекистах. В считанные месяцы они исчезли с прилавков.

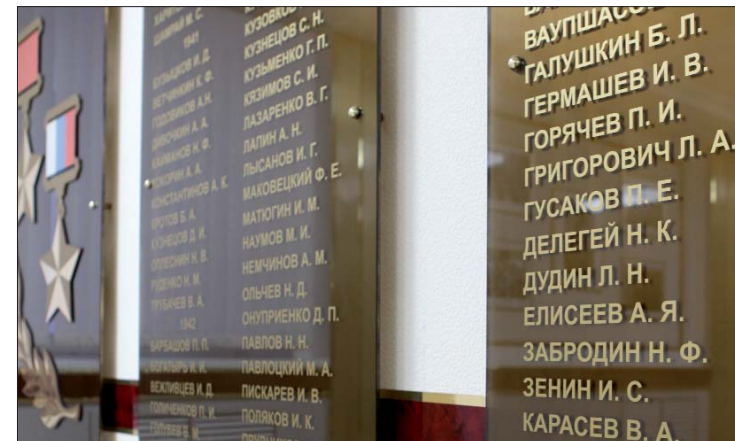
Надо отметить и то, что Рахим Махтумович – один из самых известных журналистов Туркменистана. Долгие годы он являлся собственным корреспондентом газеты «Прав-

да». Его очерки и корреспонденции привлекали внимание читателей принципиальностью и злободневностью.

В своё время Рахим Эсенов возглавлял республиканский Союз писателей, Министерство культуры Туркменистана. Он немало сделал для укрепления и развития дружественных отношений между народами СССР. И сегодня, несмотря на свой почтенный возраст, продолжает много и плодотворно трудиться. В прошлом году завершил, как считает сам, главное произведение своей жизни – роман «Венцосный скиталец» – о выдающемся сыне туркменского народа, поэте и полковнике Мухаммеде Байрам-хане. Над ним он работал 27 лет!

С особой теплотой вспоминал Рахим Махтумович о годах солдатской службы в войсках правопорядка, об участии в спецмероприятиях по задержанию дезертиров, скрывавшихся в пустыне, о выполнении нелёгких задач по конвоированию японских военнопленных после разгрома Квантунской армии. Много добрых слов прозвучало в адрес командира ашхабадского конвойного полка Героя Советского Союза подполковника Николая Фёдоровича Забродина, под началом которого Рахим Эсенов участвовал в ликвидации последствий страшного землетрясения в Ашхабаде в 1948 году.

Интересный и содержательный разговор, начатый в музее, продол-



жился в стенах редакции журнала «На боевом посту». Ведь Рахим Махтумович не одно десятилетие является не только читателем, но и автором центрального войскового издания. В 1991 году в журнале была опубликована его повесть «Ворон – птица ночная». И на этот раз народный писатель Туркмени, поделившись своими творческими планами, передал в редакцию рукопись новой книги, в которой есть главы о его службе во внутренних войсках. Думается, воспоминания ветерана в год 200-летия войск придутся как нельзя кстати, станут украшением книжной серии

«Библиотека журнала «На боевом посту»».

В ходе беседы с Рахимом Эсеновым генерал-майор Валерий Новожилов рассказал о сегодняшнем дне войск правопорядка, перспективах их строительства и развития. И в завершение встречи от имени Главного командования пригласил народного писателя Туркменистана принять участие в юбилейных торжествах.

★
Капитан
Сергей ДЮЛЬДИН

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА



НА ВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ



НА ОХРАНЕ МОСКОВСКОЙ ОЛИМПИАДЫ

В июле–августе 1980 года внутренние войска МВД СССР обеспечивали общественный порядок и безопасность на XXII летних Олимпийских играх, проходивших в Москве, Ленинграде, Таллине, Минске и Киве.

К несению службы на олимпийских объектах привлекли свыше 22 тысяч военнослужащих внутренних войск, проходивших службу в Москве и различных областях страны. Сведённые в 13 временных сводных формирований – 3 дивизии, 5 бригад и 5 отдельных полков, они вместе с сотрудниками органов внутренних дел и госбезопасности начиная с 15 июня 1980 года почти в течение двух месяцев выполняли ответственные задачи по охране правопорядка непосредственно в Олимпийской деревне, Международном молодёжном лагере, на 27 основных спортивных объектах, 20 тренировочных базах, а также обеспечивали коридоры безопасности на маршруте движения Олимпийского огня.

Ещё до Олимпиады-80 в составе одного из полков дивизии имени Ф. Дзержинского МВД СССР (ныне – ОДОН внутренних войск МВД России) было сформировано подразделение спецназа – учебная рота специального назначения (УРСН), выросшая впоследствии в знаменитый отряд спецназначения “Витязь”. Обеспечение общественной безопасности на XXII Олимпийских играх в Москве явилось одной из первых ответственных задач спецназовцев внутренних войск.

Во время несения службы на Олимпийских играх военнослужащие войск правопорядка проявляли исключительную организованность, дисциплинированность, повышенную бдительность. Высокие, строгие, подтянутые (низкорослые к службе в общественных местах не привлекались) солдаты в тщательно отутюженной и подогнанной форме вызвали восхищение у спортсменов, жителей и гостей столицы.

Обеспечивая правопорядок и общественную безопасность на Олимпиаде, войсковые наряды задержали: за совершение различных преступлений – 193 человека, за нарушение общественного порядка – 38 259 человек, при этом изъято 10 единиц огнестрельного и 124 – холодного оружия. А главное – не было допущено террористических актов ни на соревнованиях, ни в местах проживания спортсменов, чего не удалось, к сожалению, добиться, например, организаторам Игр и спецслужбам на Олимпиаде в Атланта (США) в июле 1996 года.

За отличие в службе и проявленную высокую бдительность многие военнослужащие были удостоены государственных наград и поощрены министром внутренних дел. Своеобразным подарком войскам за их вклад в обеспечение проведения Олимпиады-80 стало предоставление семьям офицеров нескольких десятков квартир в бывшей Олимпийской деревне.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

★ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ / НОЯБРЬ

1 ноября

• 2000 г. – Первый день служебно-боевой деятельности 46-й отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России, на счету которой более 2000 специальных операций. Только непосредственно в боевых действиях соединение потеряло убитыми 324 человека, восемь из них навечно зачислены в списки своих частей. Свыше 3000 воинов бригады награждены орденами и медалями, а командир одного из батальонов подполковник (ныне полковник) Алибек Делимханов удостоен звания Героя Российской Федерации.

4 ноября

• День воинской славы России: День народного единства. 4 ноября 1612 года остатки гарнизона польских интервентов, осаждённого в Московском Кремле, капитулировали перед ратниками 2-го земского ополчения, во главе которого стояли князь Дмитрий Пожарский и земский староста Кузьма Минин. Это событие означало фактический крах попытки польско-литовского королевства подчинить себе Русское государство.

5 ноября

• День военного разведчика. В этот день в 1918 году в штабе РККА появилось Регистрационное управление, с 1942 года – Главное разведывательное управление Генерального штаба. В начале 1990-х годов в составе штаба Главного управления командующего внутренними войсками сформировано разведывательное отделение. Тогда же в частях оперативного назначения внутренних войск начали создавать штатные разведывательные подразделения. Однако в некоторых соединениях внутренних войск НКВД отдельные разведывательные батальоны действовали ещё во время Великой Отечественной войны.

7 ноября

• День воинской славы России. 7 ноября 1941 года в Москве на Красной площади состоялся военный парад – беспрецедентная по степени своего идейно-психологического воздействия и масштабу акция, призванная укрепить боевой дух защитников древней русской столицы. Этот парад явился и своеобразным вызовом гитлеровцам, готовившимся в те дни к решающему штурму Москвы. В торжественном прохождении по Красной площади приняли участие воины ОМСДОНА НКВД СССР.

10 ноября

• День милиции. В годы Великой Отечественной войны сотрудниками органов внутренних дел были укомплектованы частично 308-й стрелковый полк внутренних войск НКВД и полностью дивизия войск НКВД по охране тыла Южного фронта.

13 ноября

• День войск радиационной, химической и биологической защиты. В этот день в 1918 году Реввоенсовет Советской республики издал приказ о создании службы противогазовой обороны Красной Армии. В соответствии с ним в подразделениях войск ВЧК вводились должности заведующих противогазовой защитой. Первая во внутренних войсках отдельная химроты была сформирована в июне 1937 года в составе ОМСДОНА НКВД СССР.

19 ноября

• День Ракетных войск и артиллерии. Военнослужащие внутренних войск гордятся своими знаменитыми артиллеристами – героями советско-финляндской и Великой Отечественной войн: капитаном Афанасием Кушниром, Героями Советского Союза младшим лейтенантом Александром Дивочкиным и старшим лейтенантом Иваном Кузнецовым, а также старшими лейтенантами Виктором Левкиным и Иваном Сосковым. На сегодняшний день более двухсот артиллеристов войск правопорядка награждены орденами и медалями за выполнение боевых задач в Северо-Кавказском регионе, а капитан Сергей Бавыкин посмертно удостоен звания Героя России.

КАЛЕНДАРЬ

НОЯБРЬ 2010



КРЫЛАТАЯ ПЕХОТА ВОЙСК НКВД

Знаете ли вы, что во внутренних войсках НКВД в своё время существовали и десантники? Да, была у чекистов своя крылатая пехота. И те, кто в ней служил, имели за плечами по несколько десятков прыжков с парашютом...



Летом 1936 года на основании изданной директивы № 532400 Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР 28 отличников – выпускников школы по подготовке младшего начальствующего состава 7-го Иркутского кавалерийского полка внутренней охраны НКВД, которым в то время командовал Я.К.Букин, были откомандированы в свердловский 18-й отдельный артиллерийский авиационный отряд для обучения по курсу КС-32 (“Тактическая, огневая и специальная подготовка парашютиста-десантника”).

Все они были хорошими спортсменами, призёрами спартакиад частей НКВД Восточно-Сибирского края и Читинского пограничного округа. Большинство из них имели редкое по тем временам полное среднее образование. Как свидетель-

ствует исторический формуляр части, в Главном управлении пограничной и внутренней охраны НКВД СССР данные о группе свели в дело № 13 “Подготовка спецподразделения по его программе”.

В сохранившихся документах 18-го авиаотряда за 1936 год о курсантах-иркутянах нет ни слова. Однако есть сведения об учебно-тренировочных прыжках с самолёта военнослужащих 243-го и 245-го стрелковых полков РККА. Можно лишь предположить, что обучение небольшого отряда парашютистов оперативной части НКВД заметно отличалось от учебного курса армейских воздушных десантников, действовавших к тому же целыми полками.

По крайней мере, одной из задач 18-го артиллерийского авиационного отряда являлась подготовка корректировщиков для наземной артиллерии. Может быть, такой специаль-

ность обучали и курсантов 7-го кавполка ВО НКВД, тем более он располагал собственным артдивизионом.

Серьёзным испытанием стали для курсантов-чекистов прыжки с самолёта. В 1936-м единственным в СССР воздушным судном, пригодным для десантирования целого взвода, был тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик ТБ-3. В самолёте двенадцать десантников укладывались лёжа, впритирку, в основаниях его крыльев (по шесть в каждом), остальной состав подразделения размещался в бомбоотсеках. Прыжки с ТБ-3 можно было совершать только с крыла. На крылья перебирались из верхнего люка бомбардировщика, приходилось ползти по фюзеляжу навстречу воздушному потоку при скорости самолёта почти 140 километров в час.

За время учёбы бойцы Я.К.Букина совершили по 76 прыжков. 6 ноября 1936 года в соответствии с секрет-

ным приказом начальника УНКВД по Восточно-Сибирскому краю № 67с им вручили удостоверения парашютистов и специальные нагрудные знаки. За каждый совершенный прыжок чекисты-иркутяне получили денежное вознаграждение. В упомянутом приказе Восточно-Сибирского УНКВД отмечалось также, что серьёзное отношение военнослужащих к учёбе в свердловском авиаотряде во многом обусловлено их удачным подбором.

Так осенью 1936-го полк получил новое штатное боевое подразделение – воздушно-десантный взвод.

Но зачем? Пока об этом приходится только гадать. Во всяком случае на исходе того же года командование части планировало отработать предполагаемые действия против японской кавалерии при поддержке полка приданным авиаотрядом. Да, в описываемый период главным вероятным противником Советского Союза были не Великобритания с Францией и даже не Германия, а Япония со своим мариноточным придатком на северо-востоке Китая – “империей” Маньчжоу-Го...

В повести Семёна Липкина “Декада” описывается высадка парашютного десанта чекистов в селении Куруш, расположенном на склоне самой высокой горы Европы – Эльбавенда. Действие происходит в январе, и судя по всему, после изгнания из района Эльбавенда гитлеровцев. Десантники у С. Липкина выполняют задание спецслужб: препровождают курушцев к предгорьям, откуда сельчан доставляют на железнодорожную станцию, а затем – за Урал за пособничество нацистам. Автор скорее всего подразумевает под Эльбавендом Эльбурс, а под курушцами – жителей высокогорных районов Кабардино-Балкарской АССР или Карачаевской АО, подвергшихся депортации соответственно в 1944 и 1943 годах по такому же обвинению, что было предъявлено горцам из Куруша.

Десантники в книге С. Липкина прыгали с двухмоторных транспортно-пассажирских самолётов DC 3 производства США и использовали парашюты ПД-41 с автоматическим раскрытием купола.

Верно, и DC 3 выпускали в Советском Союзе по лицензии или закупали в США, и ПД-41 применялись тогда советскими парашютистами.

И всё-таки крайне маловероятно, что воздушный десант могли привлечь для процедуры, описанной Липкиным.

Но, возможно, курушский сюжет С. Липкина имеет другую фактическую основу – спецоперацию парашютно-десантного подразделения бывшего Иркутского кавполка ВО НКВД (с октября 1941 г. – 7-й мотострелковый полк войск НКВД) по ликвидации одной из последних бандгрупп в районе Эльбурса?

Может, это был десант иркутян?

У нас есть возможность привести список личного состава воздушно-десантного взвода 7-го Иркутского кавалерийского полка внутренней охраны НКВД по состоянию на 6 ноября 1936 года. Думается, читателям будет небезынтересно узнать фамилии десантников внутренних войск НКВД. Вот они: А.И. Верташов (командир взвода), П.М. Нещадин (замкомвзвода), Н.С. Харпаев, А.И. Сивиниц, В.П. Огнев, И.П. Чаркин, И.У.



С 23 марта по 26 апреля 1944-го в Каракумах, точнее, в северных районах Апшбадской и Марыйской областей Туркменской ССР, провели широкомасштабную операцию по изытию дезертиров. Согласно докладу начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссара государственной безопасности 3 ранга А.М. Леонтьева от 30 августа 1944 года, в один из самых ответственных секторов поиска “силами 4-го авиационного полка войск НКВД” был выброшен “взвод парашютистов численностью 25 человек”, который в течение суток извлек из пустынных колодезев и дождевых ям 676 подозреваемых.

Засельский, Т.Е. Конденко, М.А. Михайловский, Г.М. Хмельевский, Б.О. Нещерет, Н.С. Милияков, Ефремов (имя и отчество неизвестны), П.Н. Михеев, П.М. Боев, А.П. Киреев, Г.Т. Конев, Г.Т. Бурых, К. Гребенчиков (отчество неизвестно), С.М. Федин, С.А. Бородавка, В.Ф. Кухно, И.У. Мусин, Н.С. Семенов, М.А. Турин, И.И. Полосин, И.С. Розенков, И.С. Сняжков... Не сомневаюсь, что эти повстанцы с небом люди и в дальнейшем свой воинский долг выполняли с честью.

★
Подполковник
Тимур МАКОЕВ
Фото из архива автора



ДРУЖБА – ХАЛАРДЗИНАД!

18–21 сентября, в дни празднования двадцатилетия Южной Осетии, в республике с большим успехом прошли гастроли ансамбля песни и пляски Приволжского регионального командования внутренних войск МВД России.

Борт отрывается от земли. Всё дальше за иллями минаторами Нижний Новгород с его старинными постройками, уникальным каменным кремлём со сторожевыми башнями, синими лентами Оки и Волги, разрезанными мостами. Путешествие начинается.

Четыре часа полёта, и вот через открытый грузолок в хвостовой части машины спускаемся на взлётку Моздокского аэродрома... Музыкантов ждут вертолёты. Всё происходит точно так же, как в марте 2000 года, здесь в Моздоке, когда ансамбль впервые выехал на гастроли в Чечню. В августе 2001-го поехали снова. За десять дней дали двадцать концертов – в подразделениях от

Урус-Мартана до Балансу. Жара стояла градусов под сорок. В Джалке аппаратура не выдержала. Пели “На волжских просторах”, и пропал звук. Не растерялся заместитель начальника ансамбля Юрий Степихов, подыграл солистам на баяне. К тому времени музыканты стали крепкой командой...

А началось всё в августе 1996-го. Тогда в войсках формировались ансамбли песни и пляски, и на совещании в штабе Приволжского округа старшине оркестра, прапорщику Алексею Косых, предложили возглавить новое подразделение. Он задумался, а как же: дорога нехоженная, ответственность огромная. Поддержали родители и жена Ирина: “Давай, Лёша, справишься. Даром, что ли, в Москве институт культуры окончил?

Знания есть, да и организаторской жилкой не обделён”. Родные оказались правы. Теперь предстояло найти единомышленников, вместе с которыми мог бы реализовать большие творческие проекты. Позволил солисту филармонии Вячеславу Ермакову. Сотрудничал с ним ещё со времён службы в оркестре. Фортуна благоволила. Как-то случайно встретил однокурсника по музыкальному училищу, Юру Степихова, и сразу понял – вот он, человек, который станет коллегой и соратником. Не ошибся. Удачным стал выбор балетмейстера Андрея Слизова. Срочную службу он проходил в столичном ансамбле под руководством генерала Виктора Елисеева. Степихов знал этого парня с юности по коллективу “Счастливое детство”, где сам играл на баяне. В

Нижнем Новгороде все музыканты знакомы.

В 97-м в войсковой ансамбль приглашают Аллу Левчатovu: она пела в хоре оперного театра, а в 98-м – Сергея Мазура. Через три года у Алексея Косых появляется ещё одно ценное приобретение – хормейстер Анна Мельникова.

Костяк сформировался. Музыканты, которые в 2004 году стали обладателями премии МВД, и ныне в коллективе. Вместе прошли многие тернистые пути. Они знают, что такое стремительные полёты на предельно малой высоте в боевой обстановке. Поэтому сейчас не удивляются, что “Шумахеры за штурвалами” домчали нас до Беслана за двадцать минут. Вертушки мягко коснулись бетонки. Замерли. Моторы не глушатся. Машины терпеливо ждут, пока высаживается наш десант. На землю быстро выгружается аппаратура. Ещё несколько минут – и пара винтокрылых синхронно поднимается в воздух, зависает на секунду над землёй... И пошла на Моздок, рассекая воздушные волны.

...Перекусив в придорожном кафе осетинскими пирогами, шумною толпой торопимся к автобусу. Комфортабельный “Икарус” – спецзаказ для артистов.

– Ребята, время... – напоминает организатор гастролей Галина Сошкина. – Вы же знаете, четыре часа пути и, не забывайте, таможня на границе.

Они в курсе. В прошлом году на День России 12 июня впервые приехали в Цхинвал с концертами. Знакома им и эта извилистая полоса дороги на дне Алагирского ущелья. Чуть ниже, слева, струится речка Нар. Несёт смиренно воды, но... Своенравные горные реки, и если прорвётся наружу внутренняя силища, забурлят, закипят волны – тогда берегись... Расступаются горы: пологие, коричневые, с островками зелени. А вон совсем лысая, какая-то плюшевая. Приглядишься: чудится, будто огромный медведь прилёг отдохнуть и вдруг колыхнется спронуясь... Дух замирает! Сомкнулись за спиной массивные врата ущелья. Про этот живописный край поэт Арсений Тарковский говорил:

*Друг, за чащу благодарствуй,
Небо я держу в руке.*

*Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.*

Это южный рубеж России. За перевалом Закавказье, Южная Осетия.

– Два часа будем ехать до Рокского тоннеля. Это граница между Северной и Южной Осетией, – объясняет Галина. – А там до Цхинвала рукой подать – 80 километров.

Удивительный человек Сошкина. Глядя на неё, поначалу и не подумаешь, что эта миниатюрная, подвижная женщина с обаятельной улыбкой – настоящий боец по характеру, “железная леди”. Пожалуй, выдадут лишь волевые нотки в голосе да взгляд, если успеешь поймать, – стальной, стремительный.

...В августе 2008-го, когда полыхнул Цхинвал, заместитель генерального директора крупного промышленного холдинга увидела по телевизору страшные картины разрушений и поняла: “Надо ехать”. Взяла бессрочный отпуск, в одночасье собралась и полетела на Кавказ. Во Владикавказском аэропорту ей объяснили, как добраться до Цхинвала. В помертвевшем от горя городе ещё не остыли, дымились пепелища, а во дворах до рези в глазах чернели свежие могилы. Она пришла в Дом правительства:

– Я из Нижнего Новгорода. Хочу помочь. Дайте хоть тряпку, буду мыть окна в школе.

– Мыть нечего... Всё разрушено, – услышала в ответ. И осталась. Потом были поездки с архиепископом Аланским Георгием по разбитым арснарядами окрестным сёлам: собирали заявления людей в Европейский суд по правам человека. Сошкина составляла Обращение в Гаагский международный уголовный суд о признании геноцида осетинского народа. Тогда же познакомилась с президентом Эдуардом Кокойты. Вернулась домой через три месяца и поняла: половинка её сердца осталась там, в маленькой, страдающей от кровотокающих ран закавказской республике. Журналист по образованию, она сделала документальный фильм “Правда Цхинвала”. Помогала и словом, и делом. Обивала пороги, чтобы организовать в Южную Осетию караваны с гуманитарной помощью: стройматериалами, медикаментами. Вновь поехала в Цхинвал. Теперь это была её жизнь, наполненная до краёв чем-то очень важным, необходимым ей самой и другим людям. Она знала определённо – это её путь.

Стал полномочным представителем Южной Осетии в Нижнем Новгороде, в марте 2009 года устроила приезд 260 жителей республики в

пансионаты Приволжского федерального округа. В июне повезла на гастроли войсковой ансамбль.

...Неожиданная остановка “Икаруса” прерывает неторопливый ход мыслей и возвращает к реальности. Водитель с озабоченным лицом, прихватив из бардачка какую-то железку, выскакивает наружу. Так и есть – поломка. Похоже, это никого не расстраивает. Народ высypал на волю и с воодушевлением защёлкал фотоаппаратами. Вокруг ошеломительная красота. Вечерет, но небо ещё ясное, только откуда-то с запада напозают на далёкие горные вершины белёсые клочковатые облака – точно-в-точно стадо барашков.

Если происходит остановка в пути, значит, это нужно. Здесь пронзительно-свежий воздух. Может быть, поэтому в горах наступает момент, когда с каким-то радостным трепетом ощущаешь вот она – растерянная в бешеном ритме мегаполиса душевная гармония, согласие с собой, людьми, окружающим миром.

Увидев стоящий на обочине автобуса, водители не проезжают мимо:

– Что случилось? Помощь нужна? На Транскавказской магистрали свято чтут закон дороги – коллегу в беде не оставляют.

Оглядываюсь. Неподдалёку оживлённо беседуют Галина Сошкина и подполковник Алексей Косых. Они знакомы с 2002 года. Тогда, в преддверии новогодних праздников, пресс-секретарь губернатора Нижегородской области Сошкина смотрела по телевизору какой-то концерт. Увидела на сцене военных и заинтересовалась. Прочитала бегущую строку: “Ансамбль песни и пляски Приволжского округа внутренних войск”. “До чего же ребята одарённые, чувствуется и душа, и умение, – подумала и решила: – Надо пригласить их на ближайшее мероприятие”. Они встретились в январе, в День российской прессы. Человек творческий, Алексей Геннадьевич с радостью принял предложение о сотрудничестве. Ведь концерты, которые Сошкина организовывала в городе, – отличная возможность расширить рамки аудитории, стать узнаваемыми среди гражданской публики. Их tandem оказался удачным. В прошлом году в Цхинвале после концерта на центральной площади к музыкантам подошли люди, благодарно и, как старые друзья, душевно пожимали руки, спрашивали, как скоро они приедут снова. А какое



**О дружбе народов –
языком танца**

ликование было среди артистов, когда узнали, что указом президента Койкиты руководителю коллектива присвоено звание “Заслуженный работник культуры республики Южная Осетия”.

Вот и сейчас Косых и Сошкина что-то эмоционально обсуждают: За два дня гастроль ансамбль должен дать четыре концерта.

...Автобус продолжает движение. Засеребрился, затуманился небосклон. На Кавказе не поймать, как ни старайся, то мгновение, когда падает тьма, укутывая всё вокруг плотной шалью. Сейчас едва различима высеченная в скале, мимо которой проезжаем, гигантская скульптура Святого Георгия – самого почитаемого у осетин святого. Таможня встречает категоричной надписью: “Деньги и подарки не предлагать”. Дальше – знаменитый Рокский тоннель. “Дорога жизни” – ведь это единственный прямой путь через ущелье протяжённостью 3800 метров, напрямью связывающий Северную Осетию с Южной. Самая высокая точка маршрута – 2400 метров над уровнем моря. Перевалив через Главный Кавказский хребет, спускаемся вниз по зигзагообразной дороге.

В салоне автобуса тихо. Перебирает струны гитары Алексей Сулов. Слышно, как шуршат колёса по трас-

се. Вдруг зазвенел голос. Как хрусталь. А песня-то какая красивая!
*Разбросала косы русые берёза,
Раскраснелись щёки
от сильного мороза.
Дым над крышей
тонкой иголочкой струится,
Значит, будут звёзды виться...*

Это хормейстер Анна Мельникова. Правду говорят: люди с лучшим музыкальным слухом выходят из церковных хоров. С 1995 по 2001 год Анна пела в хоре одного из самых древних храмов Нижнего Новгорода – Рождества Иоанна Предтечи. Программа песнопений (перед тем как священник готовится выйти на причастие) включала произведения русской духовной музыки. На певческих праздниках выступала в самом большом храме Нижегородской епархии – Кафедральном соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского.

Она воспитана на классике. Мама Анна Вацловна Шабулевич, руководитель детского хора в музыкальной школе, прививала дочери вкус к хорошей музыке. Развивала природные задатки девушка на кафедре музыкального образования и эстетического воспитания нижегородского пединститута. Конечно же, от её философии – видения музыкальной темы, аранжировок – во многом зависит настроение песни, а значит, успех коллектива. Анна уверена: русское музыкальное искусство базируется на народной песне, а народные

и церковные мотивы переплетены. Позже в разговоре она скажет:

– У военного ансамбля своя специфика, но мы стараемся представлять разные жанры, в том числе классический. В репертуаре хор из оперы Верди “Навуходносор”. Приоритетом, конечно, остаётся тема патриотическая – любовь к Родине, а если вдуматься, это и любовь к девушке, ведь воевать идёшь за любимых. Патриотизм основан на любви.

Публика хорошо воспринимает лирику. А мы стараемся из каждой песни создать маленький спектакль, чтобы зритель не уставал. Здесь много нюансов: можно сменить тональность, неожиданно сделать пиано... И вот уже народ прислушивается.

...Наверняка каждый сидящий в автобусе прислушивается в эту минуту к её чистому, сильному голосу. Истинное удовольствие – слушать профессионала.

Замелькали впереди огни. Подъезжаем к Цхинвалу. Завтра – новые впечатления.

* * *

...Вдоль дороги, по которой едем на концерт из Цхинвала в Джаву, лежат развалины, возвышаются выщербленные пулями и осколками обгоревшие остовы домов, валяется на пех шифер, поросший мхом. В прошлом году такие руины были повсюду, а меж ними, как безмоль-

ный, взывающий о помощи крик, пробивались, цвели алые розы. По утрам крепкие бутоны роняли капельки росы, словно слезинки. До глубины души потрясла музыкантов эта драматическая картина.

Когда в ночь на 8 августа 2008 года на мирный спящий город обрушился шквал огня, все, кто мог, ухордились в Джаву. Там же расположился полевой госпиталь. А сегодня дислоцирована 4-я гвардейская военная база ставшей уже легендарной в Южной Осетии 58-й армии. Контрактники несут боевую службу на сторожевых заставах в приграничных с Грузией сёлах Двани, Гуджабури и Канчаветти, горе Паук. Конечно же, для них приезд артистов из России стал настоящим праздником. Вот вот на плацу начнётся концерт приволжцев.

...Юрий Степихов и сидящий за пультом Евгений Онищук кодят над аппаратурой. Звучат первые аккорды. Концерт традиционно начинается заслуженный артист России 71-летний солист Вячеслав Ермаков. О нём будет рассказ особый, а сейчас на подмостках Роман Осин и Алексей Сулов. Песня посвящается всем Героям России. Гремит над плацем: “Только бы домой вернулись мужики”.

Выходит вокальная группа. Трофимовские “Голуби” – жемчужина репертуара. Это надо услышать! Молодчина Анна Мельникова. Талантливой аранжировкой сделала вводное изумительным по красоте, наполнила красками, разложив специально на шесть голосов. И зажигает зрителей вместе с Аллой Левчатовой, Ольгой Мелузовой, Романом Осиным, Александром Лузиным и Сергеем Мазуром. Ловлю себя на том, что подпеваю:

*И мне так легко,
Словно это я летаю,
И рядом только неба синева!*

Не успеваешь пережить яркий эмоциональный всплеск, как начинается настоящая феерия: танец “Поволжье” в исполнении балета. Этот номер – гордость подполковника Косых. Когда-то он только мечтал, чтобы на подмостки вышли пять танцевальных пар. И вот свершилось. Стараниями Слизова появилась балетная группа. А ребята какие славные – все на загляденье!

Наблюдает за подопечными балетмейстер. Он танцевал “Поволжье”, будучи студентом факультета народной хореографии Самарс-

кой государственной академии культуры и искусств. Постановку сделал его учитель – профессор Геннадий Власенко. Уже двадцать лет разные поколения танцоров повествуют зрителям об истории народов Поволжья.

– Этот рассказ должен быть понятен зрителю, – говорит Андрей. – Что мы хотим показать? Приволжский федеральный округ многонациональный. У каждого народа свои традиции и обычаи. Глубокий самобытный колорит раскрывается посредством танца.

В русских национальных костюмах Елена Шурыгина и Михаил Ярёмченко, Башкирию представляют Анастасия Прохорычева и Тимур Умиров, Чувашию – Наталья Бучнева и Артём Ухов. О Татарии рассказывают Антонина Альминович и Дмитрий Мартынов, а с Мордовией знакомят Оксана Дудченко и Максим Климов.

Пока танцоры передеваются, готовясь к следующему выходу, Слизов продолжает:

– Интересна “Нижегородская кадрили”, поставленная на основе фольклора нашей области. Главное, что мы хотим донести, – сохранение традиций. Да, Наташа? – обращается он к Бучневой, только что появившейся из гримёрки. И уже мне: – Наташа преподаёт народные танцы в Борском областном колледже культуры.

– “Нижегородская кадрили” – шуточная пляска, – говорит она. – На Руси всегда ввели хороводы. Мы рассказываем, как парень приходит на праздник и ищет девушку для танца. Но все уже по парам. А в итоге получается так, что он один уводит трёх девочек.

Гремит музыка. Танцоры снова на подмостках. Балетмейстер вспоминает предисторию ещё одного уникального танца балетной группы – “Ирландского”.

Случилось это три года назад. К музыкантам пришёл первый заместитель командующего войсками Приволжского округа генерал-майор Александр Андреевич Шапошников. В руках он держал кассету с ирландским шоу.

– Сделайте такой же танец...

Недаром говорят: “Кто увидел ирландский танец, прежним уже не останется”. Действительно, сложно быть равнодушным к этому завораживающему зрелищу. Не зря великий танец с великой историей с триум-

фом исполняют на сценах всего мира.

– Товарищ генерал, чтобы это сделать, нужно высокое техническое мастерство исполнителей, – ответил Косых. – У нас нет человека, который смог бы научить ребят.

Прошло два года. В коллектив пришёл новый танцор – Тимур Умиров. Раньше, выступая с цыганским коллективом, он исполнял танцы с элементами чечётки. Ему было у кого учиться: старший брат Ильдар – артист балета.

Как-то перед репетицией Слизов увидел: Тимур профессионально выбирает чечётку.

– Слушай, давай сделаем “Ирландский танец”, и ты будешь солировать, – предложил он.

– А что, давайте... Классная идея, – согласился парень.

Репетировали полгода. Премьера прошла триумфально. Слух о новой постановке быстро распространился по частям Приволжского регионального командования. Куда бы ансамбль ни приезжал на гастроли, зрители интересовались: “А “Ирландский танец” будет?”

Действо на сцене потрясает воображение.

– Ай да Тимур! – радуется Юрий Степихов. – Я ведь его ещё мальчишкой помню – как он танцевал в “Счастливым детстве”. Оксана Дудченко и Артём Ухов оттуда же вышли. Этот ансамбль – наш кадровый резерв. Мы постоянно в контакте с руководителем Инной Смелковой. Она 30 лет работает: кропотливо лепит из ребят настоящих танцоров, направляет в нужное русло. А что получается, сами видите.

Получается здорово!

После выступления Тимур улыбается, глаза блестят. Он стержень номера, и даже сейчас, когда отгремели последние аккорды, чувствуется его эмоциональная погружённость в танец, мощная энергетика, которой заряжает партнёров там, на подмостках.

– Нам потребовался год для того, чтобы освоить все элементы, – рассказывает он. – Сложно научиться чувствовать ритм, бить степ, как один человек. Техника такова, что девочкам легче.

– Для всех “Ирландский танец” стал открытием, – подключается к разговору Дима Мартынов. Он и Максим Климов дают уроки хореографии в летской школе искусств, где когда-то занимались сами. Для них

этот номер – серьёзная проверка на профессиональную зрелость. – При исполнении нужна предельная концентрация.

Ребята ещё что-то обсуждают, когда идём к автобусу. Концерт окончен. Музыкантам нужно отдохнуть перед вечерним выступлением на центральной площади Цхинвала.

* * *

Частный дом, где поселили девчат, один из многих пострадавших во время войны. Хозяйка давно убрала битые стёкла, вставили новые рамы, отштукатурили стены и заново отстроили балкон. Обвила его уже виноградная лоза изабеллы.

Хозяйка Ирина пригостила на обед голубцы. Маленькие, аккуратные. Пахнуло острой кавказской приправой. На большой стол в просторной гостиной, залитой солнечным светом, ставится миска с густой сметаной. Белый хлеб нарезается большими ломтиками.

– Знаете, что было самым страшным в те времена? – тихоноко говорит Ирина. – Понять, как легко ломается человеческая жизнь. За несколько дней до этого кошмара бабушка отправила нас с мужем во Владикавказ. Когда вернулись, встретила на улице знакомого. С трудом узнала его, за какую-то неделю он превратился в старика. У этого человека были семья, дом, работа. Теперь – ничего, только пустота. Он лишился рассудка. – Пойдёмте. – Она берёт меня за руку. – Бабушка всё расскажет.

...Бабушка Марфа живёт в Цхинвале с 17 лет, работала учительницей в грузинской школе. Осетины и грузины были единой семьёй, здесь сплошь смешанные браки. А в начале 90-х в соседнее село Эредви приехали незваные гости из Тбилиси и объявили осетинам: “Вы живёте на нашей земле”. Пошёл раскол между людьми. Всё чаще в этих краях стали появляться вооружённые грузины. Бесследно исчезали местные жители. Однажды в Эредви бандиты схватили старшего брата Марфы. От расправы мужчину спас знакомый грузин: спрятал в багажнике машины и вывез в Цхинвал. Девять километров Зарской дороги вдоль грузинских сёл стали фронтовой полосой. Выбирались во Владикавказ горным путём, делая крюк 40 километров.

В первый раз рвануло в 94-м.

– Вот здесь, за окном, упал снаряд, – показывает бабушка Марфа. Замолкает на минуту, застывают глаза, и тень страшных воспоминаний ложится на её ясный лоб, отчётливо прореза-ется глубокая морщина. – Я увидела, как вниз посыпались мёртвые воробьи, – продолжает она глухим голосом. – Мы прятались в подвале. Накануне 8 августа 2008-го Сакваши-ли по телевизору красиво говорили в Закавказье. Я успокоилась, подумала: зря детей во Владикавказ отправила. А ночью грохнуло. Вскочила с постели, едва успела одело схватить. Рядом на улице что-то горело. Мы с дедом побежали вниз. Подвал у нас глубокий, обустроенный, сами бетоном заливали, когда строили дом. Вся улица у нас собралась. Восемнадцать человек. Я затопила печку, тесто замесила, лепёшки сделала. Там хранились компоты, был сыр, варенье. Держались на этих запасах четверо суток. Телефон работал, и мы узнали, что грузинская сторона открыла коридор. Обрадовались, хотели выйти. Так случилось, что с нами был московский журналист. Он позвонил в Москву, а потом взволнованно так сказал: сидите, не высывайтесь. Позже узнали, что люди потоком хлынули из города, а их хладнокровно расстреливали. Этот мальчик спас нам жизнь. Мы до сих пор не теряем связь, вместе ведь горе хлебали.

Таких историй в Цхинвале – сотни. Беда не обошла стороной ни одну семью. Живёт ещё боль утрат в этих сердцах... Но они не ожесточились. Вот смотришь на этих сильных духом людей и самой хочется стать добрее. Сделать для них что-то очень хорошее.

...На вечернем концерте музыканты выкладывают на все сто. Солист Роман Осин вдохновенно исполняет “Павшим друзьям”. Лауреаты международного конкурса, прошедшего в 2007 году в Кургане, баянисты Алексей Суханов и Алексей Пушкарёв с чувством играют “Чардаш” Монти. У ребят в репертуаре и прекрасное произведение Вивальди “Летняя гроза” из цикла “Времена года”.

На сцену выходит лауреат сочинского фестиваля 2010 года “За веру, за Отчизну, за любовь” Ольга Мелузова. Заметно оживляются зрители-мужчины, глядя на стройную красавицу блондинку. Она поёт песню из репертуара Ваенги “Шопен”. И проминает с первых аккордов... Лётся над площадью глубокий, бархатный

голос... С замиранием сердца слушаешь, кажется, уносишься на волнах лирической мелодии куда-то ввысь – в индиговое звёздное небо. После концерта Лёша Суханов скажет Оле: – Когда ты пела, женщины на площади плакали.

...На следующий день Цхинвал празднует 20-летие Республики Южная Осетия. Город оделся в жёлто-красные цвета национального флага. С утра Галина Сошкина уезжает решать организационные вопросы. Она весь день в бегах. Вечером, перед концертом на площади, я подметила: люди знают её и очень по-доброму относятся.

Когда со сцены зазвучал неофициальный гимн республики – песня “Отчизна” в исполнении Ермакова, площадь взрывается аплодисментами. Последний куплет уже тонет в овациях.

После выступления к Вячеславу Ивановичу подходит автор слов Георгий Бугулов. В глазах его слёзы. Обнимает артиста и повторяет: “Спасибо... Спасибо”.

За пятьдесят лет творческой жизни Ермаков слышал много слов благодарности, но эти, пожалуй, стали особенными. Ведь если одной лишь песней ты делаешь счастливыми сотни людей, вызывая у них слёзы радости, творчество твоё очень нужно. Ещё в 60-е годы, когда разъезжал по стране в составе песенных бригад, в полной мере ощутил, что значит радовать публику. До сих пор помнит, как неподражимо Марк Бернес исполнял “Тёмную ночь”, а Марина Ладынина выходила на сцену в бархатном тёмно-синем платье с лауреатской сталинской медалью на груди.

В 73-м на Всероссийском конкурсе эстрадных исполнителей в Ленинграде Ермаков разделил второе место с Жанной Бичевской. Тогда в жюри сидели мэтры: легенда советской сцены Леонид Утёсов и выдающийся отечественный композитор Никита Богословский. В 77-м пришла ещё одна громкая победа: на Всесоюзном конкурсе патриотической песни в Москве он поделил второе место с Евгением Поликановым, ныне солистом Театра оперы и балета имени Станиславского и Немировича-Данченко. Оценивал исполнитель-лей автор знаменитой “Смутлянки” Анатолий Новиков.

Звонко Алексея Косых стал новым этапом в творчестве Ермакова. Он всегда с восхищением слушал,



После концерта. Президент РЮО Эдуард Кокоейт вручает почётный знак “Заслуженный артист Республики Южная Осетия” солисту ансамбля Вячеславу Ермакову

как коллеги исполняют фронтовые песни, с детства сам подпевал отцу, кадровому военному. Конечно же, он согласился работать в военном ансамбле.

В 2000-м, когда планировалась командировка в Чечню, шестидесятилетний солист даже обрадовался – вот где всё по-настоящему! Так и мотался в горячую точку до 2005 года. Сколько часов на вертушке налетал, не считая. Музыка для него – это жизнь. Вот он рассказывает, как специально для праздника в Цхинвале готовил “Отчизну”, и на лице такое ликование, словно это первая его песня для большой аудитории.

На площади у всех приподнятое настроение. И если бы люди могли видеть азура города, они бы утончили в солнечных жёлтых красках – цвете счастья. Даже в воздухе витает вдохновение и сама любовь. Летят в небо разноцветные воздушные шары.

– Халардзинад! Халардзинад! – слышу от окружающих людей.

– Что это означает? – спрашиваю.

– Халардзинад – дружба, – отвечают мне.

На площади появляется министр культуры Республики Южная Осетия Махарберг Кокоев.

– Порадовали наши друзья – артисты, – говорит он про военный ансамбль. – Замечательный творческий коллектив и программа достойная.

Широко улыбается заместитель министра культуры Филипп Каджаев:

– Я сам бывший актёр, окончил Щепкинское училище. Понимаю, что значит волноваться перед выступлением. Толковый репертуар подготовил ансамбль, и исполнение очень искреннее. Спасибо большое ребятам из России. Знаете, мы всегда второй тост за Россию поднимаем. Чтобы жила и процветала страна. Сегодня прошёл совместный военный парад. Это о многом говорит: мы вместе.

Воздаётся тишина на площади. На сцену выходит президент республики Эдуард Кокоейт. Поздравляет людей с праздником. А заканчивает речь неожиданно:

– С нами артисты ансамбля внутренних войск из Нижнего Новгорода. Благодаря их от души, они большие мастера. Хочу отметить солиста, ветерана ансамбля Вячеслава Ермакова. Ему 71 год. Он спел для нас прекрасную песню. Своим указом присваиваю ему звание “Заслуженный артист Республики Южная Осетия”.

Сотнями разноцветных вспышек расцветается ночное небо Цхинвала – над городом салют. Отсюда восторженно возгласы... Засверкали вспышки фотоаппаратов. Замирает сердце, сжимается от волнения... Вспоминается разговор со старшим коллективом и программа достойная.

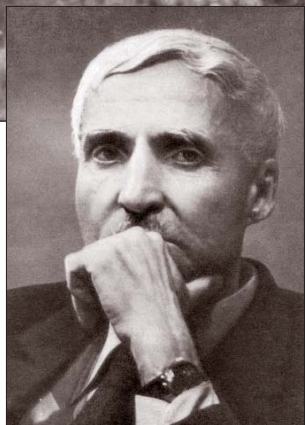
– Людям всё ещё больно, – сказал он. – Эта боль очень сильная, почти невыносимая. Но пройдёт время, и всё забудется. Десятилетия понадобятся для того, чтобы примириться осетины и грузины. Но это будет так.

И столько скрытой силы, спокойствия и уверенности было в его голосе.

...Закончились гастроли. Вот уже вьётся обратная дорога, а на душе безмятежная радость. Кажется, что давно знакома со своими попутчиками. Здесь нет секрета, просто они хорошая компания – открытые, улыбочивые, какие-то солнечные. И посмеяться можно, и побалагурить. Песни их за душу берут, а “Ирландским танцем” вообще покорили. Вот такие артисты приволжского ансамбля. Сегодня вечером борт прилетит в Нижний Новгород, и музыканты снова начнут работать, стараясь удивлять друг друга находками. Потому что очень хотят радовать нас с вами – своих зрителей.

★
Майор Елена ЖАРНИКОВА

Фото из архива ансамбля песни и пляски Приволжского регионального командования



Полковник Константин СИМОНОВ:

“ПОТРЕБНОСТЬ ДОВОЕВАТЬ ВОЙНУ...”

“Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...”, “Жди меня, и я вернусь...”, “Если дорог тебе твой дом...”, “От Москвы до Бреста нет такого места...”, “Чужого горя не бывает...” – признайтесь, вы это где-то от кого-то слышали, и не раз. Это всё – Симонов.

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов родился 28 ноября 1915 года в Петрограде, детство провёл в Рязани и Саратове. Автобиография,

написанная в 1975 году, – не формальный документ из личного дела, но выверенное и ёмкое предисловие (или послесловие) ко всему остальному, созданному за наполненные походами и поездками, событиями и встречами годы. Автобиография позволяет нам увидеть не просто послужной список, но, что важнее, и стержень жизни военного писателя.

“...Отчим, в прошлом участник японской и германской войн, был преподавателем тактики в военном училище.

Наша семья жила в военных общежитиях. Кругом тоже жили военные, да и сама жизнь училища проходила в моих глазах.

Военный быт окружал меня. За окнами, на плацу, производились утренние и вечерние проверки... Два раза в месяц я вместе с другими ребятами ходил на продсклад получать командирское довольствие.

Вечерами отчим сидел и готовил схемы к предстоящим занятиям. Иногда я помогал ему. Дисциплина в семье была строгая, чисто военная.

Всё делалось по часам, в ноль-ноль, опаздывать было нельзя, возражать не полагалось, слово требовалось держать, всякая, даже самая маленькая, ложь презиралась...

Атмосфера нашего дома и атмосфера воинской части, существовавшая вокруг, навсегда породили во мне привязанность к армии и вообще ко всему военному, привязанность, соединённую с уважением. Это детское, не вполне осознанное чувство, как потом оказалось на поверку, вошло в плоть и кровь...”

Эта искренняя, не показушная любовь к Русской, Красной, Советской армии питала всё творчество Константина Симонova. “Почти весь материал, – писал он, – и для книг, написанных во время войны, и для большинства книг, написанных мною после войны, – дала мне работа военным корреспондентом на фронте”.

На свою большую войну он попал уже кое-что повидавшим, познавшим, в военном отношении чуть-чуть подготовленным – после Халхин-Гола были курсы военных журналистов при Военной академии

М.В.Фрунзе, потом при Военно-политической академии, после которых ему присвоили воинское звание интенданта второго ранга. А уже 24 июня 1941 года ему было вручено первое предписание – на фронт...

Не им одним было сказано, и не однажды, что война – тот оселок, на котором практически безошибочно выверяются главные человеческие качества. Миллионы погибли, миллионы были искалечены, а некоторые... Некоторые просто ломались. Отношения к таким Симонов не скрывал, о таком персонаже писатель нам рассказал устами своего героя Лопатина:

“Он всю жизнь писал стихи о мужестве, и читал их своим медным, мужественным голосом, и при слухе давал понять, что участвовал и в гражданской войне, и в боях с басмачами. Он постоянно ездил по пограничным заставам и считался старым другом пограничников, и его кабинет был до потолка завешан оружием. И в тридцать девятом году, после того, как почти бескровно освободили Западную Украину и Западную Белоруссию, вернулся в Москву весь в ремнях, и выглядел в форме как само мужество, и заставил всех верить, что, случись большая война – уж кто-то, а он на неё – первым!

И вдруг, когда она случилась, ещё не доехав до неё, после первой большой бомбёжки вернулся с дороги в Москву и лёг в больницу, а ещё через месяц оказался безвыездно здесь, в Ташкенте.

Было не с одним; было и с другими такими же сорокалетними, как он. И на фронт не ездил, а просто эвакуировались, уехали. Приняли близко, некоторые даже слишком близко, к сердцу советы сберечь себя для литературы и получили разные брони...”

Лопатин даёт такому своему знакомцу вынужденный совет: делай то, что можешь.

“Я работаю... Сижу здесь и пишу стихи о войне, пишу дрянь. И сам понимаю, что дрянь, потому что не могу, сидя здесь, писать о войне не дрянью...”

– Не пишется о войне – пиши о другом.

– Я пишу. Почти каждую ночь пишу о другом. Пишу книгу про собственную жизнь, никому сейчас не нужно.

Так и осталось непонятным, про что сказал “никому не нужно” – про эту книгу или про свою жизнь?

... И всё-таки правда Вячеслава о себе была только его правдой, а не вообще правдой. Вообще-то, перед лицом войны он хотя и мучился этим, всё-таки жил несправедной жизнью. И это тоже была правда. И более важная.

И, полный добра к этому человеку, Лопатин всё равно не мог перешагнуть в своих чувствах через эту главную правду. И тот чувствовал это...”

Этот фрагмент повести “Двадцать дней без войны” в одноимённый фильм Алексея Германа-старшего не вошёл – в полуторачасовую ленту разве вместишь двадцать дней, даже если они без войны...

Зато в известный фильм (где Лопатин – отнюдь не смешной, но трагически мудрый Юрий Никулин, Ника – неподражаемая Людмила Гурченко во цвете лет, а капитан-фронтвик, случайный сосед по купе – удивительный актёр Алексей Петренко) вошло многое другое, глубокое, важное. Важное для нашего понимания Симонova, для понимания людей той, наших отцов, эпохи, людей военных, для понимания их места в жизни, в той жизни, “где жизнь со смертью наравне”.

Лопатин тогда приехал в тыловую Ташкент, чтобы расставить правильные акценты в фильме, снимаемом по его сталинградскому очерку. Заметив явные несуразности и благоглупости в постановке, указал на них режиссёру. Попенял незлобиво и военному консультанту, помощнику коменданта города, на фронте не бывавшему; дескать, в окопах на передовой с противогазами не ходят, а в землянках каски не надевают... Человек из командатуры ерепенился, прикрывался уставами, всё приказывал режиссёру переодеть артистов, играющих солдат... в новенькое обмундирование – чтобы всё было по-армейски красиво и правильно...

Можно представить, что чувствовал при этом боевой орденосец Лопатин, приехавший в командировку в свитерке под гимнастёркой, в телогрейке под тёртой-жёлтой шинелью, в солдатских кирзачах. От звания фронтвика он в тыловом Ташкенте скромно отнекивался, мол, “я человек, по долгу службы бывающий на войне...” А народная артистка всё допытывалась:

– Ну, человек, бывающий на войне, ответьте мне: что значит для вас решимость умереть за родину? Какое чувство за этим стоит?

– Это не чувство, – сказал Лопатин. – Да и “решимость умереть” – не совсем те слова, и даже совсем не те... Как это так – решимость умереть? Решимость умереть – это из области самоубийства. На войне точнее говорить о решимости сделать всё, что от тебя зависит, в условиях, когда это грозит смертью. Иногда – вероятной, и как крайность – почти неизбежной...”

Константин Симонов много раз оказывался перед ней – часто вероятной, порою, как в первых боях под Могилёвом, почти неизбежной.

Смерть, она ходила вокруг да около. О ней рассуждать имели полное право те, кто ей в лицо глядел. Вот Лопатин как-то встретил на просёлке вблизи передовой бывшего солдата, который ковылял в свою часть, опираясь на палку. Как выяснилось, уже два раза ранен и “За отвагу” имеет, а в Гражданскую воевал в Ногайских степях, в отряде по борьбе с бандитизмом. Вдовый и бездетный, он философствовал, мечтал “после войны найти где-нибудь вдову при хате и присоединиться к ней”.

– Если смерть минуло, – добавил он строго, без улыбки. – Смерть – салопница, она, жадога, кого хочешь подгрёбёт, ей все годны. Главное, чтоб не зря пропасть. Сперва доказать, а после умереть. Так и так, если живой будешь, всё равно не навсегда!

В мои годы даже при лучшем настроении больше двух десятков навряд ли прожить! Я, когда в бою, распалаю так: чему быть, того не миновать. Располагаю так: хоть трясишься, хоть пой, хоть плачь, а уж от пули не уйдёшь, коли она вышла тебе. По одному веку всем дадено, а двух веков никому не жить. Раз попал враг, надо что-то с ним делать. А что с ним сделаешь? Не ты его, так он тебя...”

Вот таковы простецкие, немудрящие рассуждения солдата о войне, в гуще которой, не рядом с нею, он оказался. Солдатский взгляд этот разделял и Лопатин: “Да, так и есть, раз враг попал, надо что-то с ним делать... Короче, сколько ни думай, не скажешь”.

Это из романа “Так называемая личная жизнь. (Из записок Лопатина)”. Составивший роман повести – “Четыре шага”, “Двадцать дней без войны”, “Мы не увидимся с тобой” – Симонов посвятил своим “старшим товарищам – военным корреспондентам из поколения Тихонова, Суркова, Платонова, Славина”.

Герой Социалистического Труда, лауреат шести (!) Сталинских премий, депутат Верховного Совета СССР, делегат трёх партийных съездов и кандидат в члены ЦК КПСС, романист, поэт, драматург Константин Михайлович Симонов всегда гордился своей первой и главной профессией – военного корреспондента. “Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом. Это не самый тяжёлый хлеб на войне...” – признавался он со свойственными ему скромностью и справедливостью.

И в то же время утверждал: “...Когда пишешь повесть или роман о таком тяжком деле, как война, фантазировать и брать факты с потолка как-то не тянет. Наоборот, всюду, где это позволяет твой собственный жизненный опыт, стараешься держаться поближе к тому, что видел на войне своими глазами”.

Свой профессиональный долг он сформулировал так “Реже рискуешь – меньше видишь, хуже пишешь”. Его подталкивали и нравственные соображения – и, может быть, они в первую очередь: “Работа военных корреспондентов была не самой опасной работой на войне. Не самой опасной и не самой тяжёлой. Тот, кто этого не понимал, не был ни настоящим военным корреспондентом, ни настоящим человеком. А те, кто это понимал, сами, без требования со стороны начальства, стремились сделать всё, что могли, не пользуясь ни выгодами своей относительно свободной на фронте профессии, ни отсутствием постоянного глаза начальства” – именно так он относился к своим обязанностям.

Свой устав военного корреспондента он сформулировал, заметив, прежде всего для себя. А другим – Бог судья.

Мотившийся по фронтам практически беспрепятственно, он столько повидал – пережил – перестрадал, столько написал в годы войны, что, расшифровывая свои дневники и блокноты, мог и после войны творить и творить – и романы, и стихи. Но его упорство и умение напряжённо работать заставляло искать постоянных встреч с участниками войны и все годы после неё. С ними – солдатами и полководцами – он мог говорить на равных, с ними ему было интересно, и сам он был любим народом. Биограф Симонова Л. Лазарев вспоминал, как однажды спросил Константина Михайловича

(это было после встреч писателя с полными кавалерами ордена Славы), не возникает ли у него ощущение истощенности материала. Симонов возразил: “Скорее ощущение неначатости. Это как раз случай, к которому с буквальной точностью подходит: чем дальше в лес – тем больше дров! И ясно, что в лес надо идти дальше и дальше”. Выступая на большой писательской конференции, он предостерегал коллег, пишущих о войне, от излишней самоуверенности: “...Никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Каждый из нас знает какую-то её частичку. Войну в целом знает народ, и народ надо спрашивать о ней”.

Симонов спрашивал – и солдат, и маршалов.

Как известно, маршал Победы Георгий Жуков свои “Воспоминания и размышления”, переиздававшиеся неоднократно многотысячными тиражами, начинал словами не выпренными, не надуманными, честными – “Советскому солдату посвящаю”. Так вот, прославленный полководец, знакомый с Симоновым ещё с Халхин-Гола, как известно, человек далеко не сентиментальный и не склонный к панибратству, обращается к писателю “Дорогой Костя!” и пишет: “Советские воины особенно высоко ценят Вас за правдивое изображение их ратных дел...” Адмирал И.С. Исачков, сам прекрасно владевший пером – и об этом в данном случае стоит напомнить, – хочет поделиться с писателем самыми важными воспоминаниями: “Был свидетелем такого, что если напишу, не поверят. Симонову – поверили бы. Ношу в себе и мечтаю когда-либо рассказать Вам”.

А Маршал Советского Союза А.М. Василевский назвал Симонова народным писателем СССР. Понятно, что имел в виду этот заслуженный полководец, – всенародное признание, доступность языка писателя, его искренность и правдивость. Другой Маршал Советского Союза К.К. Роритч и творить – и романы, и стихи. Но его упорство и умение напряжённо работать заставляло искать постоянных встреч с участниками войны и все годы после неё. С ними – солдатами и полководцами – он мог говорить на равных, с ними ему было интересно, и сам он был любим народом. Биограф Симонова Л. Лазарев вспоминал, как однажды спросил Константина Михайловича

наши полковые (батальонные) библиотеки называем солдатскими.



Фронтовые корреспонденты (слева направо): А. Сурков, О. Курганов, К. Симонов, Е. Кригер, П. Трошкин

Там всенепременно должны быть книги Симонова!

Перебирал скромные библиотечки двух дорогих мне людей, своевавших, каждый по-своему, но одинаково храбро Великому Отечеству и проживших свои жизни по-честному, – отца своего и отца жены. Поначалу особого значения не придал тому совпадению, что открылось особым откровением в эту минуту собственных воспоминаний и размышлений о живых и мёртвых. И у одного, и у другого фронтовика (отец воевал командиром пулемётного взвода, тесть был понтонёром) рядом с двухтомником Жукова стоял трёхтомник Симонова. Вот какие книги были читаемы и любимы фронтовиками. Вот истинное подтверждение писательского признания. Вот она – солдатская слава и всенародное почитание полковника Симонова!

Он завелся развезать свой прах под белорусским Могилёвом, где в июле 41-го был в полку, который остановил танковую атаку немцев, сражался в окружении. Там впервые Симонов встретился со смертью близко-близко. Близко настолько, что даже решил уничтожить письмо, напи-

санное любимой женщине: оно не должно было попасть в руки врага, как самый-самый секретный документ:

*В ночи под глухим Могилёвом –
Уж так получилось само,
Иначе не мог я – ну, словом,
Пришлось разорвать мне письмо.*

*Всего, что пережито было
В ту ночь, ты и знать не могла.
А верно б, меня полюбила,
Когда бы там рядом была...*

Война стала главным событием его жизни, “она такой вдавила след / И столько наземь положила, / Что двадцать лет и тридцать лет / Живым не верится, что живы”. Тогда, после Победы, не знали термина “посттравматический синдром”, не называли фронтовиков “потерянным поколением”.

На эту тему есть интересные воспоминания Александра Кривицкого. Этот литератор известен тем, что первым написал о подвиге героев-панфиловцев. Он работал с Симоновым в “Красной звезде” в годы войны, а после неё – в журнале “Новый мир” и “Литературной газете”.

“В тот вечер мы с Симоновым снова и снова говорили о войне, то есть сначала о том о сём, а потом всё о ней и о ней. Я рассказал ему между прочим то ли истинное происшествие, то ли красноречивый анекдот, слышанный мною ещё мальчишкой в доме отца. Будто отправился на фронт первой мировой войны некий делопроизводитель, или, как теперь говорят, счётный работник. Был он наскоро обучен и произведён в прапорщики, и, пока ехал к передовой позиции, а затем представлялся командиру полка и далее, всё было тихо.

Но когда спустился в окоп и пошёл с вестовым к офицерскому блиндажу, началась артиллерийская дуэль. Противник бил по русской линии тяжёлыми снарядами. Заблуждал ад, раздались крики раненых. Всё вокруг заволочко чёрным дымом. У делопроизводителя глаза полезли на лоб. Не помня себя, он вскочил на бруствер окопа и, прос-



К. Симонов выступает перед солдатами. 1944 г.

тирая руки вперёд, завопил в ревущую тьму:

– Сумасшедшие, что вы делаете, здесь же люди сидят!*

Трогательный, добрый рассказ, по мнению симоновского друга, выразительно характеризует войну как явление грозной бесчеловечности. Это так! Ну а что делать, спрашивал Кривидский, если опасный и жестокий враг напал на твою страну, покушается на её честь и свободу, грубо попирает её государственные интересы, а тебя, её защитника, и твоих близких хочет убить, втоптать в землю. Что тогда?

“Коли воевать, так по-военному” – эту лаконичную, но ёмкую ленинскую формулировку вспомнил тогда Кривидский, и Симонов с ним согласился.

Но очевидно было и другое – “и писать о войне надо по-военному. Не сразу объяснишь, что это такое. Скажем так: в нашей стране война не нужна никому, а это значит, что и вялый пацифизм, и ремаркистские проповеди у нас нелепы и смешны, как плод сознания испуганного и незрелого”.

Симонов крепко уважал тех своих коллег, кто сам был на войне, кто

описал солдатский подвиг, солдатский труд. Едва не встретились они с Хемингуэем, тот успел написать Симонову лишь два письма. Но мы вправе назвать их товарищами по оружию – на разных войнах сражались они с фашизмом. Уже после смерти Хемингуэя Симонов писал: “Я не знал Хемингуэя, но Хемингуэй-человек неотделим для меня от Хемингуэя-писателя, от его книг и его героев, вернее, от тех из них, в которых он, не скрывая этого, любил то же, что любил в самом себе, – силу, широту, храбрость, готовность постоять за себя и за дело, которое ты считаешь правым, готовность рисковать жизнью и уверенностью в том, “что есть вещи и хуже войны. Трущиеся хуже, предательство хуже, эгоизм хуже...”

Ещё один любимый Симоновым нобелевский лауреат – Редьярд Киплинг. Его практически не печатали в советское время, разве что негленного “Маугли” да ещё “Рикки-Тикки-Тави” – многожды Киплинг – британский империалист, его солдаты воевали на других войнах, в другое время. Войны – то другие, но когда читаем такое:

*Я отишёл помочиться не там,
где вся солдатня.
И снайпер в ту же секунду
меня на тот свет отправил.
Я думаю, вы не правы,
высмеивая меня,*

*Умершего принципиально,
не меняя своих прав,*

или такое:

*Они быстро на мне
поставили крест,
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети лобят в театре
вскакивать с мест –
Я забыл, что это – окоп, –*

убеждаемся, что мы такое проходили, каждый на своей войне. И не случайно именно Симонов сделал переводы именно этих стихов Киплинга. О тех, кто погибал на войне, не выстрелив ни разу, имели право не умозрительно, а по собственному опыту рассуждать Киплинг и Симонов: первый – экзотически брутальный, второй – патетически героический. И оба при этом были тонкими лириками... И к Хэму, и к Киплингу советский полковник Симонов испытывал душевное тяготение и здравую искреннюю симпатию не потому, что они были лишь коллегами по литературному цеху, нобелевскими лауреатами, были популярны. Они были солдатами. В этом суть симоновского тяготения-пристрастия к описаниям их боевых походов.

Симонов-поэт не похож ни на кого другого. Его простота отнюдь не та, что “хуже воровства”. Это про та-

ких говорил его товарищ и коллега Александр Твардовский: “Вот стихи, а всё понятно – всё на русском языке”. Простота – от скудости солдатского быта, от немногословной выразительности солдатских чувств. Вот он рисует простейшую, невыразительную внешне картинку:

*У нас была юрта
с дырявой крышей,
с поющим в щели сверчком.
Мы сидели в ней в полдень
и пили дымную воду
с консервированным молоком.*

Такое не придумашь, сидя на диване в городской квартире, как бы ни был начитан-подкован теоретически. Дымная вода – это издалека, с каких-то биваков...

Симонов никогда не был поэтом резонёрствующим. А вот чутким провидцем был, когда рассуждал на свою тему.

*Под Кёнигсбергом на рассвете
Мы будем ранены вдвоём,
Отбудем месяц в лазарете,
И выживем, и в бой пойдём. –*

Это было написано за три года до нашей войны с фашистской Германией. И он имел право написать “мы будем ранены вдвоём”, потому что точно знал, что будет на войне, будет в бою. Он имел право и на суровый натурализм, который коробит некоторых эстетов или, напротив, придумывается опять-таки тыловыми стихотворцами, философствующими о праведности войн, о смысле кровопролития.

Симонов тонко чувствовал фальшь в поэтических строчках, а искренность и правду отмечал товарищеской похвалой.

“Недавно в Воениздате я взял почитать ваши “Сердца и Звёзды”. В книге есть стихи, берущие за душу. И мне почему-то захотелось послать вам именно эту свою старую книжку про Ивана да Марью. 9. IX. 78 г.” – такую надпись сделал Константин Михайлович на своём сборнике, изданном двадцать лет назад, в 1958-м. Бандероль пришла молодому в ту пору армейскому поэту Виктору Верстакову. Подарок-символ, книга-эстафета. Через несколько месяцев Симонова не станет. А ещё через несколько месяцев Верстаков в первый раз отправится в Афганистан, а после других командировок туда получит своё право

сказать: “Война становится привычкой...” Согласитесь, подарок-эстафета от Симонова для военного поэта дорогого стоит, подороже многих премий...

Симонов признавался, что высшим образцом для него всегда оставался Лев Толстой: “Я без оглядки и не критически люблю Толстого. Особенно “Войну и мир”. Ему было важно сверяться с общим взглядом Толстого на войну, учиться его верности правде, как бы она ни была горька.

Откройте симоновский роман на первой странице:

“Первый день войны застал семью Синцовых врасплох, как и миллионы других семей”. Не правда ли, зачин задуман откровенно полстовски: от семьи – “ячейки общества” – к обществу в целом, как в “Анне Карениной”. А свой главный труд – “Живые и мёртвые” – Симонов назвал весьма похоже по созвучности и смыслу с толстовской эпопеей “Война и мир”.

Другой Константин – Воробьёв, о творчестве которого мы недавно рассказывали (“На боевом посту”, №8, 2010) – всё грезил-грозился написать большой роман. Всё ему что-то мешало. В письмах этого фронтовика сохранились и жалобы на житейские трудности, и неприкрытая неприязнь к некоторым коллегам по писательскому цеху (в их число попал и Симонов). Удачный “любимчик Сталина”, занимавший после войны высокие номенклатурные должности, писавший “заказные”, по мнению некоторых, пьесы и статьи, Симонов раздражал, видимо, большинство творческих людей с неудовлетворённым честолюбием. Симонов как бы ответил им “Просьбой” того же Киплинга, которую перевёл и которая не случайно поставлена в завершение первого тома симоновского собрания сочинений. Том этот вышел в год смерти Симонова, в 1979-м. Открывается он уже упоминавшейся “Автобиографией”, а завершается эпитафией-“Просьбой”:

*Заканчивая путь земной,
Всем сплетникам напомню я:
Так или иначе, со мной
Ещё вы встретитесь, друзья!*

*Я вам оставлю столько книг,
Что после смерти обо мне
Не лучше ль спрашивать у них,
Чем лезть с распросами
к родне!*

Каждый из них, и Киплинг, и Симонов, оставили свои книги.

“Что касается писателей, – говорил Симонов в интервью, – то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, – всё равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они видели на войне, за войну, окажутся именно их дневники”.

Военный корреспондент Лопатин говорил: “Война накаливает в людях усталость. И когда идут бои, и когда наступает затишье – всё время накаливает. Но у того, кто остаётся жив, вместе с усталостью накапливается и потребность довоевать войну до конца. И если бы это чувство не накапливалось рядом с усталостью от войны, наверное, от одной усталости мы все поскользили бы с ума...”

Симонов с честью довоевал свою войну.

“Мне кажется, – писал он в 1966 году, – что книги о войне люди, её пережившие, читают, когда в этих книгах есть какие-то человеческие, психологические, нравственные проблемы, которые относятся не только к войне. А просто обнажаются во время войны с особенной силой”. И поэтому, продолжал он, книги эти “волнуют не только поколение, прошедшее войну, но и поколение, не бывшее на войне”.

С тех пор уже минуло больше полувек. Ветеранов той войны всё меньше и меньше. Их домашние библиотеки остаются внукам. Хорошо, что кое-кто из внуков тоже читает Симонова.

Когда нёс эти свои заметки в редакцию, встретил знакомого лейтенанта. Перекинулись парой слов “за жизнь”. Спрашиваю по-чужбински дошнито: “Что читаешь, дружище?” Тот отвечает: “Симонова, “Живые и мёртвые”.

От души порадовался за лейтенанта. И за полковника Симонова, который довоевал свою войну, а свой мир завещал нам.

★
Борис КАРПОВ,
полковник ЗАПАСА
Фото Михаила МЕЛЬНИКА,
Якова ХАЛИПА
(Антология советской фотографии
1941 – 1945).
Издательство “Планета”,
Москва, 1987

Михаил ГОРБОВ

ТЕТРАДЬ ОТЦА



Сегодня мы предлагаем вам главу из книги «Трава на асфальте», выходящей в серии «Библиотека журнала «На боевом посту». Её написал один из старейших военных журналистов внутренних войск полковник в отставке М.В. Горбов.

Солдатские мемуары Михаила Васильевича охватывают целую эпоху XX века. Они начинаются рассказом отца – участника Первой мировой и Гражданской войны, а завершаются, по сути, днём сегодняшним. Горбов человек тщливый, опытный. Ему есть что с чем сравнивать. В книге масса интересного, примечательного и поучительного.

Прежде мы публиковали фрагменты рукописи о боях с фашистами на Таманском полуострове, учёбе в военном училище накануне великой Победы, борьбе с бандформированиями на Западной Украине, работе в журнале «На боевом посту» в семидесятые–восемидесятые годы. Но книгу приятно читать с начала...

– Не рановато ли собрался умирать? – пытался пошутить я.

– Как тебе сказать, – прозвучало в ответ. – Жить, конечно, хочется. А с другой стороны, подумаю: вроде и пора к своей старухе. Намедни прикинул: в деревне не осталось ни одного моего ровесника. Не с кем вспомнить молодость. Вот и выходит, что все ушли вовремя, один я припозднился. А впрочем... – Лицо отца вдруг стало серьёзным. – Этот вопрос решают не здесь, а там. – И он многозначительно кивнул куда-то вверх.

«Там», видно, не очень спешили с принятием решения, и наш родитель прожил девять десятков лет. А незадолго перед тем, как уйти, завёл тетрадку и оставил в ней кое-что нам на память.

“Я, Горбов Василий Мартынович, родился в 1891 году в селе Скребеличи Овручского уезда бывшей Волынской губернии, а нынче – Житомирской области на Украине. У отца было ещё три брата, и все с семьями жили в одном доме. Теснотища страшная. Вот и порешили братья поделить. Делились по-честному. Кинул мой дед, их отец, Григорий в свой картуз четыре палочки и велел каждому тянуть жребий. Одному достался дом, другому – вол, третьему – земля. Её было так мало, что полоску можно было запросто перескочить. А мы с отцом получили корову. Её продали и купили избу. Так, без молока, мы прожили девять лет. И лошади у нас тоже не было. А как без неё в хозяйстве? Тяжело. Вот и приходилось вытягивать жилы.

В школу меня не пустили, потому что не во что было одеться. Да и семье надо было помогать. И стал я, как тот мужичок с ноготок, трудиться. С девяти лет нанялся пасти у местного пана телят. Потом пас деревенское стадо – отработывал за иных сельчан, а плата за день – кусок чёрствого хлеба.

Но вот мне исполнилось четырнадцать лет. Снова пошёл наниматься к помещику пасти его стадо, в котором было сорок две коровы. Получал за это двадцать четыре рубля в год.

Выходило чуть больше полтинника за каждую бурёнку.

Тяжело вспоминать такое детство. Вставать надо было до рассвета. Загоны, бывало, стадо в лес, сяду под дерево передохнуть, а глаза так и слипаются. Вздремну, спохвачусь, а коров нет. Где они? Ну, конечно, опять в посевах другого помещика. А их, панов, в округе аж целых три. И земля почти вся принадлежала им. Прихожу с повинной головой, встаю на колени и слёзно прошу выпустить из загона моё стадо. Отпустит-то, говорят, можно, только принеси сперва расписку от своего пана с обещанием возместить потраву. Легко сказать «принеси расписку», а как её получить? Но идёшь, и, конечно же, снова ругань, снова тумак, снова угрозы вычесть убыток из моего несчастного заработка.

А однажды приключилась со мной и вовсе неприятная история. Когда я пригнал стадо в лес, разразилась гроза. Запыхали молнии, ливень обрушился водяной стеной. Ветки с треском падали на землю. Страх-то какой для мальчишки! Но что поделать? Гляжу, чтобы коровы не разбрелись, бегаю вокруг стада, сбивая их в кучку. Дождь не стихал весь день. А вечером, когда по-

ВСПОМИНАЯ далёкие, четвертьвековой давности дни, я никак не могу отделаться от мысли, что смерть отца была неожиданной, хотя он готовился к ней загодя. Как-то в одном из писем попросил меня прислать пять метров чёрного сатина. А когда я написал, что собираюсь к нему в отпуск, поступила дополнительная просьба: привезти сорочку и недорогой тёмный костюм.

– Вот твой заказ, – сказал я при встрече. – Носи на здоровье.

– Не... Эту одежду буду носить на том свете, – грустно улыбнулся он. – А сатин нужен для обивки гроба изнутри. Хочу всё подготовить заранее, чтобы вам меньше доставить хлопот. Доски оструганные лежат в сарае. Запомни...

нал я стадо домой, оказалось, что вся долина перед селом затоплена. Потoki бешено неслись меж крутых берегов. Мост, по которому мы прежде переходили через ручей, исчез. Коровы пустились вylaв. А я и плавать-то не умел. Держался за стадо, пока не споткнулся и не ушёл с головой под воду. Спасибо, мужики, стоявшие по ту сторону, заметили, выволокли меня на берег, не дали погибнуть.

Прослужил я у пана Субботского два года. А по весне пошёл наниматься к другому – Барнаговичу. Тот послал меня бороновать. Запряг я шестёрку лошадей и приступил к работе. Через некоторое время гляжу – на другом конце поля появился пан. Он остановил меня,

Емельяновне Музыкант, тоже переселенке. Хозяйка она оказалась толковая, да только чуть не оборвалась наша с ней семейная жизнь.

Как-то поздней осенью 1913 года по окончании полевых работ решил я почистить колодец. По верёвке спустился вниз, лопатой накладываю грязь в ведро, а мужики наверху поднимают его и опорожняют. Работа зашпорилась. Мне стало жарко. А помощники, напротив, замёрзли на ветру и отравились в дом погреться. Я набрал очередное ведро, прислонился к сруб и жду их, поглядывая на голубой квадрат неба. Вдруг сверху бряцнуло пустое ведро. Потом на сруб навалилось что-то огромное и тяжёлое. Задрал голову и гадаю, что это такое. Вспомнил, что рядом паслась соседская кобыла. Она несколько раз подходила к колодезю в надежде, что ей дадут попить, но нам было не до неё. И вот она, улучив момент, поддала мордой пустое ведро, попятилась и, поскользнувшись, угодила задними ногами в колодец. Лошадка пытается передними ногами удержаться на весу, а я стою ни живой ни мёртвой. Ещё бы минута-другая, и она всей многопудовой тушей рухнула на меня. Но у Анны словно сердце почувало беду. На её крик сбегались мужики, обвязали верёвками лошадку и не без труда выволокли из сруба.

Так я второй раз разминулся со смертью. Видать, Господь пожалел мою молодую душу и наших с Анной маленьких детишек – Алёшу и Максиму.

Постепенно жидьё-бытьё налаживалось. Одно неудобство – наш земельный надел находился в двадцати верстах от Ужанихи. Много времени приходилось терять на дорогу туда и обратно. Поэтому мы решили пересечь в Воздвиженку, поближе к своему полю. Материала на дом не было, соорудили полужемлянку. Даже крышу выстлали дёрном. Собирались через год-другой построить настоящий деревянный дом, но обстоятельства не позволили. Началась Первая мировая война.

В 1915 году меня призвали в армию. Определили во 2-ю роту 444-го Дмитрияевского полка Осовецкого корпуса. Всё время неотлучно находился на фронте. Корпус выполнял особые задания, и его часто перебрасывали с одного участка на другой.

Однажды в Одессе нас погрузили на корабли и морем отправили в район Карс-Арданаган воевать с турками, союзниками немцев. Задержались мы там ненадолго. Снова перебросили в Галицию для участия в так называемом Брусилловском прорыве. Это была успешная военная операция русской армии. Наш корпус тогда отличился, но и потери понёс большие. Особенно во время внезапной газовой атаки немцев. В тот день ветер дул с вражеской стороны, и они применили синильную кислоту. Хорошо, что я со своим отделением находился на берегу речки. Заметив опасность, мы прыгнули в воду и продержались там несколько минут, пока не прошла газовая волна.

Когда выбрались на берег, вокруг лежали трупы убитых солдат и офицеров. Противогозов у нас ещё

не было, и немцы прибежали к этому оружию не раз. Жутко и страшно было смотреть на поле, усеянное безжизненными телами. Лишь тем, кто оказался возле реки, удалось избежать горькой участи. В том числе и мне.

Так что и в третий раз мне удалось увернуться от руки костлявой. Если в детстве вода чуть было не погубила меня, то теперь она стала моёй спасительницей. Низкий поклон тебе, речка Стоход.

В конце февраля 1917 года в полку пронёсся слух: царь Николай II отрёкся от престола, к власти пришло Временное правительство.

Война шла вяло и безрезультатно с обеих сторон. В основном лениво простреливали друг в друга из окопов. А кое-где даже братались. Меня в это время назначили командиром отделения, так как я умел читать и писать. А грамоте обучили на фронте: надоело обращаться к фельдфебелю с просьбами написать весточку домой. Однажды на радостях даже фотокарточку послал. На ней я в заломленной набок папахе, грудь в ремнях. Герой да и только. Ну, думаю, жёншук увидит – обрадуется! Однако в ответном письме сквозила печаль: Анна охала по поводу... моего ранения и ампутации обеих ног. Откуда она это взяла? Чтобы успокоить её, в срочном порядке сфотографировался в полный рост да ещё вместе с товарищами по окопу...

Между тем дела на фронте развивались бурно. В июне меня избрали солдатским депутатом, членом полкового комитета. В те дни наша дивизия стояла под городом Ковелем. Полки поочерёдно выходили на передовые позиции, сменяя друг друга. Помню, словно было это совсем недавно, 5 августа нас вывели в тыл. Но отдохнуть не дали: на второй день посылают рыть окопы. Солдаты в смутении. Я как член комитета обратился к офицерам с просьбой разрешить хотя бы помыться и заменить завшивленное бельё. Вся рота поддержала меня. Затем к нам присоединились и не вышли на работу другие роты. А вечером узнаём, что родились в рубашке: две полка дивизии, находившиеся на передовой, подвергнуты газовой атаке противника и отравлены. И вообще стало твориться неладное. Кто-то увёз неизвестно куда снаряды полковых батарей. Затем прошёл слух, что в тылу пытались взорвать мосты через реки Стырь и Стоход. По-видимому, кто-то замышлял сдать нашу потрепанную дивизию немцам без единого выстрела.

Запахло предательством. Солдаты взмутились, собрались на митинг. Как раз в это время невдалеке появился комиссар армии. Комитетчики сообщили ему о своих подозрениях, а в ответ услышали: «Мне некогда с вами разбираться. Вот придет мой помощник, с ним и поговорите».

Между тем офицеры уже доложили ему, что солдаты взбунтовались и надо что-то предпринимать.

На третий день появился обещанный помощник комиссара. Командир построил нашу роту и командовал:

– Рядовой Горбов, три шага вперёд, марш!

Я, как и полагається, вышел и повернулся к строю лицом. Помощник комиссара объявил:

– Ты арестован! Садись в машину, поедем в штаб дивизии.

Вся рота, не сговариваясь, закричала:

– Никаких арестов! Не позволим! Рядовой Горбов, в строй, шагом марш!

Я подчинился товарищам и вернулся в строй. Поняв, что нас голыми руками не возьмёшь, помощник комиссара покотил дальше. Но и в других ротах вышла осечка. Мы радовались своей победе и тому, что удалось предотвратить предательство. Но ликование было недолгим. Буквально через несколько дней, а точнее, двадцать восьмого августа, ранним утром видим: движется в нашу сторону какое-то войско. Ну, думаем, идёт нам подмога. Однако выяснилось, что это казаки. И прислали их сюда для того, чтобы расформировать наш полк.

Теперь мы догадались, почему накануне весь личный состав без оружия отправили на рытьё окопов. Такого ещё никогда не бывало, да и быть не могло в боевой обстановке. Обычно, прибыв к месту работ, солдаты составляли винтовки в козлы, чтобы в случае появления противника быстро разобрать и вступить в бой. Удивление вызывало и то, что членов солдатского комитета оставили при штабе. Почуввав неладное, мы быстро связались с соседними частями, а также с запасным полком, расположенным в двенадцати километрах от нас, и попросили помощи и поддержки.

А тем временем казаки окружили лес, в котором располагался наш полк, и перегородили просеки колючей проволокой.

Солдат, что находились на рытьё окопов, стали поротно приводить к штабу и выстраивать на площади в коробку. Когда построение закончилось, нас плотно окружили конные казаки с саблями наголо. Со всех сторон на безоружных направили станковые пулемёты. Затем на площадь выкатились два легковых автомобиля. Из них вышли комиссар армии Линдя и командир корпуса генерал Гриншферда. Последний поддал команду членам солдатского комитета выйти из строя и зачитал приговор трибунала. Все мы подлежали расстрелу в течение ближайших двадцати четырёх часов.

Конные казаки сразу же окружили нас и под конвоем повели в штаб дивизии, который располагался в девяти километрах отсюда, в селе Дукиши. Там арестантов заперли в крестьянской избе. Остальным объявили, что полк расформирован, а личный состав повзводно отправляется в разные части. Солдаты зашумели. Казаки ринулись на них. Но в этот момент с колокольни застрочил пулемёт. Это наш фельдфебел, заранее приготовивший «максимум», ударил по оцеплению. А с тылу по нему же открыли огонь ещё пять пулемётов: это подоспела подмога из соседнего 443-го пехотного полка.

Казаки с позором бежали, теряя на ходу коней, оружие и оставляя убитых и раненых. Прибывшие на расформирование высокие чины тоже попытались спастись бегством. Генералу это удалось, а комиссар был убит брошенной в его автомобиль гранатой.

Ожидая расстрела, члены солдатского комитета томнились в избе. Каждый, как и я, вспоминал родных, близких и мысленно прощался с ними. А в полдень во дворе раздался шум моторов и началась стрельба. Карательные моменты исчезли, а в распахнутую дверь вбежали однополчане, примчавшиеся на двух машинах выручать комитетчиков.

В селе мы обнаружили спрятавшегося генерала Гриншферду, разоружили и повели в штаб полка, чтобы во всём разобраться и решить его дальнейшую судьбу. Однако встретившиеся по пути солдаты отстранили охрану и подняли ненавистного командующего корпуса на штыки.



ОБ АВТОРЕ

Михаил Васильевич ГОРБОВ родился в 1922 году на Украине. С золотой медалью окончил среднюю школу, собиравшись продолжить образование в гуманитарном вузе, но жизнь рассудила иначе. В сентябре 1940 года он был призван на действительную службу во внутренние войска НКВД СССР. Участник Великой Отечественной войны. С 1948 года в войсковой печати. С золотой медалью окончил редакторский факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Десятилетие трудился в журнале «Пограничник», а с семидесятого по восемьдесят третий год – в нашем журнале. Здесь он возглавлял отдел боевой службы и боевой подготовки, отсюда уволился в запас с должности заместителя главного редактора. Награждён тремя орденами и многими медалями.

принялся ругать не так, мол, всё делаю. В общем, остались я не у дел. Но вскоре в деревне появились вербовщики, предлагавший безземельным крестьянам переселиться в Сибирь, обещал там хорошую жизнь. Терять нам было нечего, и мы согласились. К нам присоединилось ещё несколько односельчан, в том числе мой дядя, Степан Горбов, с семьёй. Той же весной 1907 года двинулись в путь.

Ехали долго. Наконец прибыли в назначенное место – посёлок Ужаниха Чумлыского уезда Новосибирской области. Первое, что поразило, – необозримые просторы. Не то что у нас на Украине, где хатка к хатке жмётся, а полоска земли – к соседней полоске. Вот, подумалось, где заживём на славу. Но не тут-то было. Пособие, что нам выдали на дорогу, кончилось, и мы остались ни с чем. Землю, правда, выделили. Но как её обработаешь, если ни коня, ни инвентаря? Снова пришлось залезать в кабалу.

Я нанялся в батраки к богатому хозяину. Проработал у него два года. Служил верой и правдой. И он ко мне относился по-людски. Потому что и сам трудился в полную силу, не то что мои прежние паны. Когда же я сказал, что хочу завести своё хозяйство, он помог материалами для дома и скотом.

Маленько обустроившись, мы с отцом решили, что пора мне жениться: мама часто болела, и дому нужна была молодая хозяйка. Посватался я к девушке, которая жила с родителями в посёлке Синельниково, Анне

С тех пор в полку не появился ни один корниловский офицер.

До самого октября мы опасались за свою судьбу, но когда командующим Западным фронтом был назначен прапорщик Крыленко, поняли, что угроза миновала.

В январе 1918 года мне дали отпуск. Не буду рассказывать, с какими мучениями добирался до дома, поскольку настоящие испытания ждали впереди.

Через пару месяцев у меня разболелись ноги, а вскоре и совсем отнялись: сказались-таки оконная жизнь с её сыростью, грязью, постоянной нервоутомлённостью в бурные месяцы, последовавшие за Февральской революцией. Нехорошо получилось: семья ждала помощника в хозяйстве, а приехал нахлебник.

Жена всячески успокаивала меня: «Господь милостив и не оставит нас в беде». Она по несколько раз в сутки натирала мои ноги скипидаром и ещё какими-то снадобьями деревенских целительниц. Мало-помалу я стал поправляться, опираясь на палку, выходящий во двор. На всякий случай принялся осваивать сапожное ремесло. Ремонтировал обувь жене, матери с отцом и детям. Да и соседям обслуживал. Потом наловчился делать выкройку и шить добротные сапоги. Занялся выделкой овчин и работал всем по полшубку. Словом, встал на ноги. И тут в декабре 1919 года меня призвали в Красную Армию.

Я был зачислен в 35-ю дивизию, которая участвовала в борьбе против белых сил адмирала А.В. Колчака, объявившего себя Верховным правителем России. После непродолжительных боёв мы овладели городом Томском и по тайге преследовали колчаковцев, отступавших в сторону Красноярска. У населённого пункта Боровушка многотысячный отряд белых сдался нам в плен. Продолжая преследование, мы вышли к Енисею в трёхстах километрах севернее столицы края. Свирепствовали морозы, многие получили обморожения, а тут ещё сыпной тиф.

Спас меня мой хороший товарищ. По льду Енисея на санях он отвёз меня и ещё двоих бойцов в Красноярск.

Три месяца пролежал я на больничной койке и еле выкарабкался из лап неминуемой смерти. Для окончательной поправки отпустили домой. Два месяца пролетели как один день. Потом снова в строй. На этот раз в запасный полк, расквартированный в Симбирске. Затем маршевая рота и вагон-теплушка в поезде, увозившем нас на борьбу с бароном Врангелем.

Однако военная судьба переменчива. От Саратова поезд вдруг повернул на северо-восток в сторону города Пугачёва. К чему бы это? Вскоре всё прояснилось: Сапожков, командир расположенной в этих краях дивизии, поднял бунт против советской власти, сагитировал местное население не сдавать государству хлеб. Его банды совершали налёты на сёла и небольшие города, чинили расправу над теми, кто не желал подчиняться. Нашему полку поставили задачу: в кратчайшие сроки навести в районе революционный порядок.

Приказать легко, да выполнить трудно. Хорошо знавшие местность бандиты были неуловимы. Долго гонялись мы за ними по заволжским степям, не раз вступая в боестолкновения.

Сапожковцы нагнали. Однажды наш конный отряд из шестнадцати бойцов послали в разведку. На развилке дорог меня с двумя товарищами отправили налево, остальные взяли правее. Нам предстояло выяснить об-

становку в посёлке Журавлиха, где размещался исполком волости. Подъезжаем. Вроде тихо. В помещении исполкома застаём двух его работников – председателя и военкома. Ну, думаю, здесь полный порядок, власть на месте. Не успели познакомиться и распросить об обстановке, как на улице заремели выстрелы. Банды! Мы кинулись во двор и начали отстреливаться. Но силы неравны: нас пятеро, а сапожковцев не менее сотни. Отстреливаясь, вскакиваем на коней и, свернув за угол, отрываемся от погони. Но ненадолго. Тридцать километров длилась гонка. Подъезжаем к штабу, а никого нет. Куда он мог деться? Спрашиваем у местных жителей и узнаём ужасную новость: штаб в полном составе взят в плен налетевшими на посёлок сапожковцами. Возьмёшь несколько наших товарищей удалось скрыться. Вот они-то впоследствии собрали остатки полка, сформировали конный отряд, который в составе прибывших на подмогу сил продолжал борьбу с бандитами. Несколько месяцев мы мотались по Заволжью, уничтожая одну за другой мелкие группы. Сапожков не выдержал и подался в Калмыцкие степи. Мы следом. Там тоже немало было погонь и боевых столкновений. Наконец в одном из селений нам удалось окружить и разгромить основные силы бандитов. Это было в апреле 1921 года.

Вспоминая бешеные скачки по степным просторам и диву даюсь: как не очерствела душа моя после того, чего насмотрелся там? Одно дело, когда воюешь с чужеземцем, и совсем иначе чувствуешь себя там, где, по сути, брат идёт на брата, на такого же православного христианина, как сам. И вот пример.

Я уже рассказывал о захвате сапожковцами нашего полкового штаба. Так вот, бандиты, люто поизмывавшись над пленными, вывели их в поле и на глазах у местных жителей расстреляли. Когда же мы освободили селение, а сапожковцы сбежали, наши в диком озлоблении стали мстить за свершившееся. По распоряжению начальства все жители села от мала до велика были выгнаны из домов и построены вдоль длинной улицы. Впереди, у самой дороги, понурившись, на коленях стояли главы семейств, в большинстве своём бородастые старики. А у околицы выстроили на конях небольшой отряд кавалеристов.

Ну, думаю, сейчас мы пройдемся вдоль покаянных голов, покажем, кто здесь настоящая власть, и двинемся дальше в погоню за бандой. Но вдруг раздалась команда: «Шашки наголо! Вперёд марш!». Конники сорвались с места и, перестраиваясь на ходу, один за другим с гиком помчались по улице.

Я, как и другие пехотинцы, стоял в строю и наблюдал за происходящим. Господи, да лучше бы сквозь землю провалиться, чем видеть такое! После каждого взмаха саблем в придорожную пыль прямо под конские ноги, как кочаны, катились срубленные седые головы.

За что?! Как бы отвечая на мой да и всех стоявших в строю немой вопрос, командир хриплым голосом прокричал:

– Вот так поступают с врагами советской власти! Теперь другим неповадно будет поддерживать бандитов.

Весной двадцать первого меня демобилизовали из армии. Позади остались почти шесть лет кровавой бойни, голод, холод, бессонные ночи, оконная грязь и вши. Как я мог выдержать всё это? Просто невероятно. И какой мерой мне воздаться за верную службу Отечеству? Как примет меня земля, ради которой столько времени

рисковал здоровьем и самой жизнью, по которой все эти годы тосковала моя крестьянская душа? О чём только не передумывал за долгую дорогу к родному дому.

Семья встретила меня радостно. Жила она всё в той же полуземлянке и еле-еле сводила концы с концами. Но главное, теперь мы собрались все вместе. Если дружно взяты за дело, то можно поправить обветшалое хозяйство, выйти из нужды.

Той весной я не знал ни минуты покоя: чуть свет запрягал коня, укладывал в телегу плуг, борону и прочий инвентарь, спешил на свой участок, который находился в шести верстах от посёлка. Там начиналось чудодейство, превращавшее бурое от сухой травы поле в блестящий на солнце чернозём. Наконец сбылось то, о чём мечтал когда-то бессонными окопными ночами: вместо приклада винтовки мои руки сжимали чалыги плуга.

Поначалу не всё шло гладко. Нет-нет да и допустишь огрех. А ведь раньше борозда шла за мной прямая, как стрела. Это заметил отец и без упрёка, а скорее отмечая факт, раздумчиво произнёс:

– Да, Василий, маленько подрастерял ты на войне былое умение. Но ничего, если оно было у человека, то непременно возвратится.

Обычно отец не сразу выезжал в поле, а ухаживал с утра за скотиной, справлял всякие неотложные дела по хозяйству. Появлялся, когда я завершал пахоту. Сеять хлеб он не доверял никому, в том числе и мне. После него поле прорастало пшеницей равномерно, без пролысин. Этот его талант ещё на Украине заметили помещики и охотно нанимали отца, когда надо было сеять рожь, лён или клевер. «Своей земли нет, так хоть на панской попрактикуйся», – грустно шутил он в те годы. Но вот наступили времена, когда земли нам, как и всем переселенцам, выделили столько, что вьюру бы управиться с ней. Половину приходилось оставлять под зябь, то есть под осеннюю пахоту. За лето там вырастала высокая и густая трава, которую скашивали на сено. А сена требовалось всё больше и больше, потому что скотины во дворе с каждым годом прибавлялось.

Работали мы от зари до зари. И не только взрослые, но и старших детей приучали к делу: полоть грядки, пасти коней, заготавливать на зиму кизяки, потому что в степном краю дров не нарубить. Одним словом, изрядно попотеть приходилось и летом, и зимой. Зато и отдача была очевидной. Не зря говорится: кто не ленив пахать, тот будет богат.

Хлеба в те годы вылезали небывалые. Хватало и себестоимости, и чтобы сдать продналог, и на продажу. А продавать нам надо было много, потому что задумали построить вместо землянки новый просторный дом. Обошёлся он нам в четыреста рублей. По тем временам огромные деньги. Их собирали целых пять лет. И вот весной двадцать седьмого года наша большая семья (трое взрослых и шестеро детей) переселилась в настоящее жилище. Наконец-то и мы зажили по-человечески. Старшего сына, Алексея, я смог определить на учёбу в семилетку. (Школа находилась в пятнадцати километрах от нашей Воздвиженки, и сын жил там в общежитии.) Младшенькие, Максим и Вера, пошли в начальные классы. Так сбылась ещё одна моя заветная мечта – приобщить детей к грамоте.

В последующие три года мы стали постепенно обзаводиться сельскохозяйственными машинами – конными жаткой и молотилкой, веялкой. Кое-что приобрели

вкладчину с соседями. А в горячую пору уборки урожая вместе с ними устраивали толкуют поочерёдно то в одном хозяйстве, то в другом. Работалось дружно, весело и полезно: с утра начинаем, а к вечеру, глядишь, весь урожай уже в закромах.

Нам казалось, что этому празднику не будет конца. Выходит, не зря воевали, не зря делали революцию. Раскрепощённая крестьянская душа, вырвавшаяся на свободу, творила поистине чудеса. Только наш посёлок ежегодно сдавал государству десятки тысяч пудов отборного пшеничного зерна, многие тонны молочных продуктов, а по осенней поре отправляя на заготпункты по несколько сотен голов крупного рогатого скота. Казалось, ещё немного, и мы завалим своим товаром не только Советский Союз, но и всю Европу! Однако, как поётся в одной печальной песне, недолго длится благодать.

В 1929 году по посёлку ползали слухи, что в стране стали создавать колхозы, или, как мы их называли по-своему, коммуни. Болтали о них всякое вплоть до того, что скоро все наши хозяйства объединят и мы будем всей деревней есть из одной миски, спать под одним одеялом.

До такого дело не дошло, но вот собрали общий сход и, разъяснив суть вопроса, предложили проголосовать: кто за коммуни? Таких оказалось немного. Да и кто согласится отдать в общий котёл нажитое своим горбом добро? Разве только лентяи да пьяницы. Им отдавать нечего, но есть возможность прихватить соседское. Собрание, как ни старались районные агитаторы и местные активисты, окончилось фактически ничем. Но свою роль оно сыграло: помогло выявить тех, кто противился созданию колхоза. Их стали всячески притеснять, душить непосильными налогами. Мне, например, пришла повестка сдать государству четыреста пудов зерна сверх того, что я уже сдал в качестве обязательного продналога. Где я мог взять столько хлеба? Пришли и выскребли все сусеки, все закрома.

Поняв, что нормальной жизни уже не будет, что нас хотят выдернуть из этой земли с корнями, несколько сельчан, в том числе и я, поехали искать лучшей доли в других местах. Сначала побывали на Алтае, затем двинулись в Казахстан, где, куда ни глянь, повсюду горячие пески. Так добрались до гор в районе озера Зайсан. Но нигде жизнь нам не приглянулась. Пришлось возвращаться домой. Успели как раз к уборке урожая. Хлеба выросли хорошие, но они уже не радовали, как прежде: почти всё пошло на продналог, который в том году почему-то увеличили в два раза. Теперь я окончательно понял, что нас не оставят в покое, пока не dokonают совсем. И решил: если уж вступать в колхоз, то не здесь, где за год успел нажить врагов, а в другом месте. И потянул меня туда, откуда я двадцать с лишним лет назад переехал в Сибирь, – на Украину, в родное село Скребеличи. Там мой друг детства Яков Карпинин уже возглавлял колхоз. Я откровенно рассказал ему о всех своих приключениях и попросил принять мою семью в артель. «Пни заявление, – сказал Яков. – Рассмотрим». Спустя несколько дней рассмотрели и просьбу удовлетворили. Окрылённый новыми надеждами, я отправился домой, чтобы забрать семью. Приезжаю в Воздвиженку, а там меня встречают новостью: наше хозяйство разорено. Забрали почти всё: хлеб, скот, машины. Оставили одного коня из четырёх, одну корову из шести. Но и этого им показалось мало. Меня вызвали в сельсовет и сказали:

– Вот даём тебе задание – посеять двенадцать гектаров пшеницы. Осенью соберёшь зерно и сдашь государству.

Если бы знать, чем всё это обернётся, я бы ответил: в колхозе, мол, посею, а на своём участке – нет. Но я поставил своё условие: верните лошадей и семена, тогда согласен сеять. Не вернёте – не смогу: семян нет, коней тоже.

– Смотрите-ка на него, – крикнул председатель колхоза, бывший бездельник и пьяница Семён Куманёк. – Он ещё торговаться вздумал! Под суд пойдёшь, саботажник!

Тут откуда ни возьмись появился милиционер, повёл меня в соседнюю комнату и запер там. А потом повезли в район, где суд приговорил к лишению свободы сроком на один год. Отбывал я его в каменном карьере. Это был адский труд от зари до зари. И питание – одна баланда. Я не выдержал такой жизни и сильно заболел. Попросился к врачу. Мне сказали: “Ты симулянт” – и посадили в карцер. Я объявил голодовку и три дня не ел. На четвёртый в карцер зашёл конвоир и сказал: “Горбов, выходи”. А я уже так ослаб, что не могу подняться. Конвоир помог мне встать, взял под руку, вывел. И в его сопровождении повезли в больничную колонию. Там осмотрели и отправили в новосибирский госпиталь. Через десять дней я стал самостоятельно подниматься и мало-помалу ходить. На этот раз меня отконвоировали не в карьер, а на кирпичный завод. Там работа полегче – сушка кирпича.

Я человек общительный и быстро перенакомился с друзьями по несчастью да и с некоторыми сотрудниками завода. И вот однажды слышу между ними разговор: дескать, в соседних сёлах начата высылка раскулаченных крестьян. Сразу подумалось: наверное, и мою семью постигнет та же участь.

Эта мысль не давала покоя ни днём ни ночью. И я решил на побег. Повидаюсь с женой, детьми, с отцом, а там будь что будет. Тайком прокрался на железнодорожную станцию, но подойти к кассе и взять билет побоялся. Прыгнул на торпедную площадку проходящего товарного поезда, доехал до ближайшей остановки. Там купил билет и как законный пассажир поехал дальше. От станции Чулым шестьдесят километров где шёл пешком, а где на попутной телеге устраивался – свет не без добрых людей. В своей посёлке завалился ночью, тайком. Тихо постучался в дверь. Жена открыла сразу, словно и не спала.

Лампу не зажгли. Сидели в темноте, разговаривали шёпотом, чтобы не разбудить детей. Анна подтвердила то, о чём я услышал перед побегом: на завтра намечено выселение раскулаченных. Семья уже приготовилась: в переднем углу лежали узлы с одеждой, посудой и иным домашним скарбом. И тут меня, как молотком по голове, вдруг стукнула мысль: мне-то не позволять отправиться вместе с семьёй, а сразу арестуют и помнут в колонию. Значит, снова бежать? Куда, зачем? Так и не придумав ничего, решил на рассвете, переодевшись в женскую одежду, спрятаться на огороде и посмотреть, что будет дальше. А потом уже действовать в зависимости от обстановки.

Посёлок проснулся раньше обычного. Отовсюду слышался рёв коров, ржание лошадей, скрип колодезных журавлей, звяканье пустых ведёр. Эти обычные деревенские звуки постепенно стали заглушаться голосами плачущих навзрыд женщин, стенаниями стариков

да окриками милиционеров, прибывших для сопровождения выселяемых. Молчали лишь дети, со сна не понимавшие, что происходит.

Нервы мои напряглись до предела. Вот-вот, думаю, сейчас очумевшие от свалившейся на них власти братья Куманьки появятся и на моём дворе. Хороший повод поизмываться над моей семьёй за то, что не давал в долг на вино, не приглашал, как иные, выпить на халаву да и говорил в лицо то, что о них, бездельниках, думаю.

Солнце поднялось довольно высоко, а “гостей” всё нет. Наконец, с улицы донеслась команда: “Пошёл!”. Заскрипели тележные колёса, и, сопровождаемая громкими рыданиями, вереница повозок двинулась в путь.

Жаль невинно пострадавших людей. В этот день гроза миновала наш дом. Может, потому, что мы под закон не подходили: всё время числились середняками, лишь недавно выбившимися из нужды, батраков никогда не нанимали, с хозяйством справлялись сами. Беда, что дом наш приглянулся Куманькам: в нём они замыслили разместить правление колхоза. Но как это сделать, чтобы хоть внешне всё выглядело по закону? Да очень просто – причислить нас к разряду подкулачников. (Была тогда такая категория людей.)

Когда в посёлке страсти улеглись, я вернулся в дом. Во двор выходил только по ночам. На сердце всё время было тревожно. Понимал, что рано или поздно меня найдут. Надо было принимать решение, куда двинуться дальше. Но я всё тянул: не хотелось расставаться с семьёй.

На пятую ночь раздался громкий стук в дверь.

– Полезай скорее в подвал, а я пока потяну время, – шепнула жена и пошла в коридор.

Но там непрошенные гости уже ломали дверь. Заскочив в дом и обшарив все закоулки, они заглянули в подвал. И, конечно же, обнаружили меня. Не дав как следует собраться, связали руки, посадили в повозку и повезли в районное отделение милиции.

Обращались так со мной как с бандитом – мучили, пытали, а когда терял сознание и падал, били сапогами, пока не встану. Потом повторялось всё сначала. Поизмывавшись вволю, позвали следователя. Тот снял показания, и меня сдали конвоирам, приказав отправить туда, откуда я сбежал.

Дорога дальняя, так что было время задуматься о дальнейшей судьбе. Как только вернусь в колонию, снова, конечно же, начнутся побои, пытки. Затем будет суд, который прибавит ещё пару годков. Нет, я не выдержу всего этого! Выход один – снова бежать.

Улучив момент, когда конвоир, поклевав носом, уснул, я схватил свой узелок и скрылся. К счастью, дело было недалеко от станции. Я вскопил в вагон товарного поезда. Как-то и в голову не пришло: куда еду? А собственно, было уже всё равно, главное, вырвался из лап зверья.

Ехал всю ночь и к утру оказался в Кемерово. Долго бродил по глухим закоулкам, пока не очутился за чертой города. Пошёл по первой попавшейся дороге и остановился у ворот какого-то заведения. Над воротами крупными буквами красовалась надпись: “Совхоз “Горняк”, а сбоку, на заборе, объявление: совхозу требуются плотники. Я свернул во двор и у встречного спросил, где тут нанимают на работу.

– А вон там правление, – кивнул он в сторону невысокого здания. – Туда и топай.

В отделе кадров почему-то не стали долго выспрашивать, откуда я, где работал раньше. Видно, им позарез нужны были специалисты по строительству.

Меня сразу же определили в стройбригаду. Правда, пока временно. Моё прилежание и мастерство пришлось начальству по душе. Хвалили, не раз даже премировали. А затем предложили вступить в профсоюз. Я бы не прочь, да для этого нужна была справка с прежнего места работы. Пришлось как-то выкручиваться.

Спустя восемь месяцев дали мне отпуск и велели привезти справку. Где её взять? Ехать домой боюсь – схватят. А тут получаю известие: мои помирают с голоду. Последнее зерно забрали, выгнали их из дома и переселили на место высланных Левковичей.

Решение родилось само собой: ехать! Везу два пуда муки. Появился вовремя: все пока живы, только дети так отошлели, что не могли даже подать голоса, чтобы поздороваться с отцом.

Как ни соскучился по семье, долго задерживаться в посёлке было опасно. И отпуск мой прошёл в скитаниях. Когда же вернулся в совхоз, там сразу спросили: где справка? Отвечаю: справку не выдали, потому что не продал своё имущество. Вот, мол, жена продаст тогда и привезёт справку.

Моему объяснению не поверили и исключили меня из “Горняка”. Документа о том, что проработал здесь год, не выдали. А у меня нет ни денег, ни еды, потому что всё оставил семье. Притвориться нищим или украсть что-то съестное – на это я не способен, да и вера не позволяет пасть так низко. Выход один – искать снова какую-нибудь случайную работу.

Переночевать никто не пускает. Пытаюсь вздремнуть на вокзале, но оттуда выгоняют. Решаюсь зайцем ехать в Новосибирск. Однако и там не повезло. В отчаянии скитаюсь по городу, встретил вербовщика, который нанимал плотников на станцию Ялань. Ухватился за эту соломинку и выплыл на берег. На новом месте не было профсоюза, и никакой справки не понадобилось. Жизнь снова вроде налаживалась. И я решил перевезти к себе семью. Но оказалось, что отец, жена, дети вместе с двумя семьями, спасаясь от голода, уехали на Украину. Получив такую весть, я взял расчёт и кинулся вдогонку. Настиг их уже на месте. Так через два с половиной десятка лет мы вернулись к тому, от чего бежали – к нищете и неустраенности.

Началась новая жизнь. А впрочем, какая новая? Единственное, от чего удалось избавиться, – это от преследования и приклеенного мне ярлыка подкулачника. Теперь наша семья уравнивалась со всеми. Более того, она стала самой бедной в селе. У других хоть свой дом, корова и иная живность, был огород, который помогать сводить концы с концами. У нас же – ни кола ни двора. Скитались по чужим углам. И это в восьмером! Девятый, старший сын Алексей, ещё в Сибири избрал свой путь: окончил школу, подался в Омск, затем в Псков и поступил в пединститут.

Дети нетрудоспособные (одни по малолетству, другие по болезни), а кормить надо всех. И каждый день. Вот и приходилось вертеться: ночью стерегу колхозный склад с зерном, а днём ремонтирую людям обувь, чтобы заработать ведёрко картошки или миску муки.

Это бы ещё ничего. Но через несколько месяцев, весной 1933 года, нас постигла настоящая катастрофа. На Украине разразился небывалый голод. Коснулся он и нашей семьи, не имевшей абсолютно никаких припа-

сов. Выручали трудолюбие, сплочённость и взаимная поддержка всех членов семьи. Дети каждый день уходили в поле, собирали мёрзлую прошлогоднюю картошку, щавель, крапиву, лебеду и другие съедобные травы, к которым затем добавлялась мякина, толчёная кора деревьев, и готовился еда. Если кто-то не выдерживал голода и валился с ног, его укладывали в постель и давали “усиленное питание”.

О нашей беде я сообщил в письме сыну Алексею. Через неделю он привёз нам два пуда муки. Так мы дотянули до той поры, когда начал созревать посеянный мной ранний ячмень. Его срезали серпом, обмолачивали, толкли зерно в ступе и варили кашу.

Жизнь постепенно налаживалась. Нам выделили земельный участок под усадьбу. На нём я за лето построил небольшую избушку, а осенью посадил фруктовый сад. Весной купили тёлочку, вырастили её. Правда, вскоре она заболела и сдохла. Пришлось всё начинать сначала.

Так, преодолевая невероятные трудности, семья набирала силу, вставала на ноги. Сын Максим стал работать в колхозе. Жена Анна Емельяновна проявила организаторские способности и возглавила льноводческое звено. Вместо неё по дому и в огороде, как пчёлки, хлопотали уже подростки девочки Вера и Ульяна. Сыновья Миша и Митя учились в школе. Всё вроде бы шло путём, как вдруг нагрянула новая, самая страшная беда – нападение фашистской Германии.

Тем летом мне исполнилось пятьдесят два года. По возрасту не подходил под мобилизацию. Но когда наши войска, не выдержав натиска немцев, стали отступать, дошла очередь и до меня. В военкомате спросили, какую имею специальность. Я ответил: сапожник. Зачислили в хозяйственную часть, дали повозку с двумя лошадьми, инструмент. Не успел я как следует обывкнуться, как фронт приблизился к нашему городу Овручу. Поступила команда отходить на восток. Но на дорогах скопилось столько войск, что невозможно было продвигаться ни на шаг. И тут летели немецкие самолёты. Посыпались бомбы. Мы с лейтенантом побежали в сторону от дороги. Когда самолёты улетели, вернулись к своей повозке. Она чудом уцелела, а лошади погибли. Лейтенант пошёл собирать разбросанные по дороге сапоги, швейную машинку и другие вещи, а я остался поджидать его. И тут как из-под земли появились немецкие мотоциклисты. Стреляя из пулемётов на ходу, окружили наш обоз. Я упал и полез под повозку, потому что не был вооружён. Но немец меня заметил и, ударив сапогом под дых, наставил автомат и заорал: “Хенде хох!”.

Так я оказался в плену. Нас под конвоем отправили в Ковель. Этот город нам хорошо знаком. Здесь почти два года я воевал с немцами в Первую мировую. Правда, тогда я мёрз в окопах, а теперь на голом цементном полу в бараке с дырявой крышей. Барак переполнен. Стонут раненые, мечутся в горячке больные. И над всеми нами витает смерть. Каждый день умирает по десятку, а то и более человек. Могилы роют те из нас, кто ещё в состоянии держаться на ногах.

Не раз приходилось и мне провозжать в последний путь своих товарищей. Хоронили под конвоем в ближайшем овраге. Немец ленился спускаться вниз, следил за нами сверху. Порой так и подмывало нырнуть в кусты, дать дёру. Один из пленных даже погробовал. Но тут же получил автоматную очередь в

спину. И нам пришлось хоронить его вместе с умершими накануне.

Вот дошла очередь и до меня – заболел дизентерией. Стараюсь скрывать болезнь, потому что таких не лечат, а выводят к оврагу и расстреливают. Вскоре прошёл слух, что украинцев отпускают домой. Появилась какая-то надежда на освобождение. Но вдруг я узнаю: жителей нашего Овручского района оставят в лагере, потому что этот район партизанский. Действительно, буквально возле нашей деревни начинаются леса, в которых можно надёжно скрываться от немцев и в случае преследования уйти в Белоруссию или даже в Смоленскую область.

Всё же я попытался счастья и, когда приказали украинцам выйти на построение, присоединился к ним. Для большей надёжности притворился больным, но не дизентерией, а сердечными приступами. Тут же в строю шатаюсь, падаю в обморок. Немец подходит и спрашивает: “Ду ист кранк?”, то есть: “Ты больной?”. В ответ еле киваю головой и прижимаю руку к сердцу. Вид у меня был такой несчастный, что немец то ли пожалел, то ли не хотел тратить патроны на расстрел – дескать, и так подохнет, но в итоге разрешил следовать в комендатуру, где выдавали отпускные документы. Мне тоже выдали. Так я оказался на свободе.

Добирался от Ковеля до Овруча шестнадцать суток. Шёл от деревни до деревни. Совсем ослаб. К дизентерии добавилась простуда. В одном из сёл встретилась сердобольная старуха. Видя моё беспомощное состояние, пригласила в дом, накормила, потом посоветовала остаться у неё на несколько дней, пока не окремаюсь. В ход пошли всякие травы, настойки, припарки. Мне становилось всё легче, и силы чуть прибавлялись.

Домой я вернулся в ноябре 1941 года. Работал в своём хозяйстве, обеспечивал семью. Это было нелегко, так как оккупанты требовали всё больше продовольствия, а чаще сами заходили во двор и забирали всё, что под руку попадёт. Если же станешь перечить, спалят дом. Особым извержеством отличались венгры. Терпел, терпел я их, да вскоре терпение кончилось. Решил податься в партизаны. А где их найти? Помог Сергей Корсун, бывший председатель нашего сельсовета. Он с самого начала войны ушёл в леса и возглавил небольшой отряд. Изредка ночами навещался повидаться с семьёй, которая жила невдалеке от нас. Однажды возле его дома мы и встретились. Я высказал своё решение, но он ответил расплывчато: “Подумаем”. А потом всё же добавил: “Жди, мы сами тебя найдём”. Мне стало понятно: не доверяет, ведь я был в плену, а там могли и завербовать.

Наконец однажды ночью в окно тихо постучали. К рассвету мы с сопровождающим парнем отмахали километров десять, если не больше. Долго плутали по лесным тропинкам, а возле поляны он попросил сесть и подождать. Через несколько минут я оказался в кругу партизан. Лица некоторых были знакомы. Начались расспросы об оставшихся в окрестных сёлах родных и друзьях. Вскоре подошёл, не назвав своей фамилии, высокий мужчина и объявил, что я зачислен в батальон капитана Грибова.

“Раз батальон, – сразу смекнул я, – значит, тут у нас внушительная сила”. Позже мне стало известно, что мы входим в состав знаменитого партизанского соединения генерала Александра Николаевича Сабурова. Несколько месяцев назад оно совершило семисоткиломет-

ровый рейд по тылам противника на Правобережной Украине, недавно расположилось в наших лесах, и Сабурова назначили начальником штаба по руководству партизанским движением в Житомирской области. Я с волнением ожидал того дня, когда меня pošлют на боевое задание, но вышло всё совсем буднично.

– Ваше боевое задание, товарищ Горбов, – сказал капитан Грибов, – шить и чинить обувь бойцам. Это не менее ответственно, потому что в крепкой и тёплой обуви партизану не страшны никакие дальние походы. А у нас многие поизносились и часто простужаются. Давно ждали такого специалиста. Теперь на вас вся надежда.

Вот так я стал партизанским обувщиком. Трудился много, но в радость, потому что каждый день получал благодарности от своих боевых друзей.

Мы действительно стали друзьями и соратниками в полном смысле этого слова. Наше соединение участвовало в освобождении моего родного города Овруча. Да и после, когда вернулись домой, часто отмечали вместе эту памятную дату. Иногда приезжал и сам генерал Сабуров. Особенно часто бывал он у священника Словечного. Поговаривали, что батюшка был связан с партизанами и у него не раз скрывался Александр Николаевич от фашистов и их местных приспешников. Однажды и мне посчастливилось принять участие в такой встрече...”

На этом завершаются записки моего отца – Василия Мартыновича Горбова. Правда, внизу химическим карандашом было начертано ещё несколько очень важных строк, которые как бы подвели итог прожитому: “Всю жизнь я нёс свой тяжкий крест безропотно и терпеливо, не гневил Господа за непосланную мне судьбу. И в этом моё утешение. О потерянном когда-то добре не сожалею. Жаль только одной утраты – здоровья. И смерть победила”.

Писались эти печальные строки, как и все воспоминания, в критические для отца дни: он лежал в больничной палате после сильного сердечного приступа и мысленно прощался с нами. Но, слава богу, в тот раз смерть отступила. Он прожил ещё десять лет и хранил тетрадку с неоконченным рассказом в ящике стола.

★

ШУХРАТ ХУСАИНОВ



“А Я ЗНАЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ НА ВКУС...”

* * *

С.К.

*Тихо мелот шестерёнки
Время в башне городской.
У меня в руке маслёнка
И отвёрточка в другой.
Мне и надо-то немного –
Никогда не уставать...
Я служу такому Богу –
Он не может отставать.*

*Но никто мне не мешает,
Мне дана такая власть,
Если советь разрешает,
Горстку времени украсть.
Вот старушка
с клюшкой тонкой
В ногу с временем идёт...
Я замедлю шестерёнки,
Пусть убавит время ход.*

*Вот мальчишка, скукой маясь,
Наблюдает жизнь ворон.
И опять я погружаюсь
В груду пыльных шестерён.
Бой часов и шорох стрелок
Враз лентя отрезвит –
Пусть бежит уроки делать,
А не то ему влетит.*

*А на этих нет управы,
Постыдились бы хоть раз...
Да, теперь такие нравы –
Целоваться напоказ.
Я влюблённым не мешаю
Губы милых целовать.
Ничего не исправляю –
Им на время наплевать.*

*Боли сердца и одышку
На базаре не продать...
Мне б толкового парнишку,
Чтобы Время передать.
Он, конечно, повзрослеет,
Если сердце не протрёт,
Он, конечно, всё сумеет,
Но когда ещё поймёт...*

* * *

*Стали длиннее дни,
Громче ветра запыли,
В окна моей родни
Звонко стучат капли...
Только лишь я в горах,
День вспоминая летний,
В выщербленных зубах
Стиснул патрон последний.*

*Стави в моём дому
Высохнут от печали.
Мама, я не пойму,
Как уходить в начале...
В тёмное дно глубин
Я погружусь, как камень.
Мой нерождённый сын
Плачет за облаками.*

*И наплевать судьбе,
Сколько воды в стакане –
Дилжу с восьмого “б”
Снайпер достал в Афгане.
Вот уж пятнадцать лет
Спать под звездой ржавой
Мог бы и я, да нет –
Видно, был в списке справа.*

*Кончилась круговерть
Вечером хмурьм, зычным.
Глупость мою и смерть,
Господи, отпусти мне!
В церкви не оптоют
Ярость мою и смелость.
В трудную цель свою
Я попаду, не целясь.*

“А Я ЗНАЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ НА ВКУС...”

*И лечу я на красивом самолёте,
Заказав себе шампанского
в полёте,
Улыбаясь толстым дядечкам
и тётям,
Я лечу без автомата и гранат...
Стоардесса с добрым именем
Наташа*

*Всё на свете мне расскажет
и покажет –
И про климат,
и про то, что есть в продаже,
И какой мне подобрать
пансионат.*

*А я знаю эту землю на вкус,
И названья гордов и вершин,
Не за этот ли я прятался куст
Под знакомый свист
простреленных шин?
И не эта ли высота далась
Нам такою дороною ценой,
А потом, когда стрельба
улеглась,
Спал и видел я во сне,
как в кино:*

Как лечу я на красивом самолёте
И, прильнув к иллюминатору
в полёте,
Бормочу,
притомяная список роты,
Над местами,
где терли мы ребят.
Вот шесту я,
над Бамутом пролетая:
“У тебя, Серёга, сын
родился в мае”.

Стюардесса, ничего не понимая,
Что-то спрашивает
третий раз подряд.

Я б сказал ей, как горит бэтээрь,
Когда “Град” гремит в ночи,
как гроза.

Я б сказал ей,
как с опущенных “сфер”
В землю падает мужская слеза.
Но я память оборву,
как струну,

И Наташке, как сестре,
улыбнусь.

И скажу ей только фразу одну:
“А я знаю эту землю на вкус...”

ПРОЩАЛЬНАЯ

Тихо бродит вслед за нами
Расставания пора,
И ятарными слезами
Блещет старая кора.
Земляничные поляны
Оставляя за спиной,
Мы, своей печалью пьяны,
Возвращаемся домой.

Вновь потянем полный невод
Наших гибельных забот,
Вновь забудем привкус неба,
Чаек медленный полёт.
Но однажды вдруг проснётся,
Беззащитна и остра,
Тонкой грустью обернётся
Возвращения пора.

И опять несек прибрежный
Примет форму наших тел,
Взгляд пронзительный и нежный
Скажет всё, что ты хотел.
Слизнет тёплыми волнами
В цвет заката на крови
Всё, что было между нами,
Кроме грусти и любви.

И качнётся в тёмном небе
Одинокая звезда,
Отразит сосновый гребень
В чёрном зеркале вода,
Канет в сумерках бесцветных
Дым беспечного костра,
И подступит незаметно
Расставания пора...

* * *

По монеткам, по минуткам
Время кончилось так скоро.
Словно глупости с повтором,
Жизнь осталась позади,
Словно чья-то злая шутка,
Подтвердив ненужность споров,
Слёз, бессонниц, и укуров,
И свиданий без любви.

А в душе такая темень!
И слова сжигают темя:
“Друг израненный – не бремя,
Бремя – милость подлеца...”
И когда приходит время,
В кровь выкрашивая стреля,
И когда приходит время –
Нужно драться до конца.

Только трудно быть солдатом,
Не идя со всеми в ногу,
Не смиряясь понемногу
С опемением в груди.
Верить, что ведут куда-то
Дар трепещущего слога,
И твоё познание Бога,
И дорога впереди...



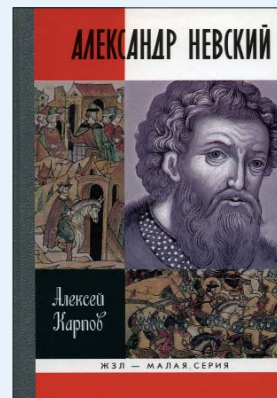
* * *

Давай, моя милая,
будем прощаться.
Собаке – хозяйин,
бродяге – дорога.
Иными кругами
я буду вращаться
Планетой,
придумавшей доброго Бога.

И душу свою
раздавая горстями,
С трудом узнавая
чужие созвездья,
Пройду я дорогой,
размытой дождями,
До тихого часа.
До часа возмездья.

За то, что я так
неумело прощался,
И, зла от добра
отличить не умея,
Я снова вращался
и вновь превращался
В себя же.
Но только немного старше.

А завтра мне в ноги
уткнутся салазки,
И я, отвернувшись
от чьей-то афиши,
Пойму, что придумал
хорошую сказку.
И правильно,
что оказался в ней лишним.



Без малого восемь столетий отделяют нас от времён великого князя Александра Невского. Однако память о нём жива, поскольку принадлежит он к числу наиболее выдающихся людей нашего Отечества. Ему выпало управлять Русью в тяжелейший, переломный момент её истории. Сын переяславского князя Ярослава, внук великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо, он начал самостоятельное княжение за два года до нашествия Батюя, падения Киева и уничтожения многочисленных городов южной Руси. И хотя его отец первым из русских князей принял из рук “ордынского царя” ярлык на

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ

великое княжение Владимирское, т.е. сумел сохранить прежние структуры княжеской власти, и при Александре речь шла ни больше ни меньше как о самом существовании Руси: сумеет ли она уцелеть, сохранить свою государственность, этническую самостоятельность. Ведь история других народов, подвергшихся одновременно с Русью татаро-монгольскому нашествию, не исключала самого печального. Так не стало Волжской Булгарии (давнего соседа и противника Владимиро-Суздальской Руси), исчезли полувцы, повторившие судьбу обитателей южнорусских степей – торков и печенегов.

Но беда, как говорится, не приходит одна. Ордынское разорение совпало с общим наступлением католического Запада на православный Восток. Тут и поход крестового войска шведов во главе с Биргером Магнуссоном в устье Невы, а затем немецкого Ливонского ордена на псковские земли.

Однако, оказавшись между молотом и наковальной, молодой

князь Александр выказал не только мужество на поле брани, но и мудрость правителя, ответственного за свой народ. Александр Ярославич отправился в орду на поклон к Батюю, имея за плечами победы на Неве (1240г.) и Чудском озере (1242г.), прозвание Невского. Отправился последним среди русских князей, но был признан ханом первым среди них – великим князем, и затем пользовался поддержкой как самого Батюя, так и его преемников – Сартака, Улагчи, Берке.

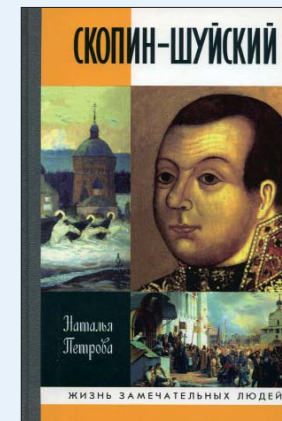
Не могу не отметить, что книга об Александре Невском имеет не совсем обычную композицию. Это не просто очердная биография князя. Автор постарался собрать воедино все(!) дошедшие до нас свидетельства, касающиеся личности Александра и проводимой им политики, выстроил подробную, хорошо прокомментированную хронику сорока четырёх лет его земной жизни. Сюда же помещено “Житие святого благоверного великого князя, церковное прославление и чудеса, связанные с его именем”.

С БЛЕСКОМ И СЛАВОЮ

“Личность эта быстро промелькнула в нашей истории, но с блеском и славою, оставила по себе поэтические, печальные воспоминания. Характер этого человека, к большому сожалению, по скудости источников, остаётся недостаточно ясным; несомненно только то, что это был человек необыкновенных способностей” – так писал о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском знаменитый историк Н.И. Костомаров в 1873 году. Прошло почти полтора столетия, и у нас с вами появилась возможность обстоятельнее познакомиться с личностью одного из героев Отечества, прославленного народом воеводы, отличившегося в борьбе с “Тушинским

вором” и его окружением в начале XVII века.

В марте 1608 года он был направлен в Новгород для переговоров со Швецией о присылке наёмного войска для борьбы против польских интервентов. Одновременно ему было поручено создание русских военных отрядов на севере страны. В результате в Новгород прибыл крупный шведский отряд под командованием Делагарди, а из центра народного сопротивления – Вологды, Каргополя, Костромы, Ярославля, которым Скопин-Шуйский помогал вооружением, удалось собрать трёхтысячное русское войско. С этими силами весной 1609 года Скопин-Шуйский высту-



пил к Москве, освободил после упорного сражения Тверь. Затем по Волге направился к Ярославлю. Объединившись с отрядами, подо-

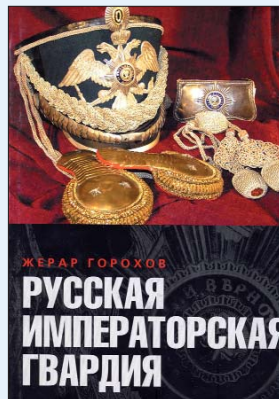
шедшими из Заволжья, с Севера и из Нижнего Новгорода, нанёс ряд существенных ударов неприятелю и вынудил его снять блокаду Троице-Сергиевой лавры, а затем и Москвы. Именно эти решительные действия стали главной причиной распада тушинского лагеря Лжедмитрия II.

Скопин-Шуйский прожил всего двадцать три года, и в череде злодейств и предательств, которыми так богато Смутное время, явил собой один из немногих образов доблести и чести. Успешный полководец и умелый дипломат, он сумел

очистить Московское государство от сторонников Лжедмитрия, и в марте 1610 года – за два с половиной года до подвига Минина и Пожарского – Москва с ликованием встречала его как своего освободителя. Князь пользовался всеобщей любовью, его прочили на царский трон, и кто знает, как развивалась бы дальше история России, скольких бед и несчастий могла бы избежать, не погибни он от внезапной загадочной болезни – по слухам, отравленный завистниками, не желавшими делиться с ним властью.

Точных документальных данных об обстоятельствах смерти Михаила Васильевича нет, следствие по этому делу не проводилось, поскольку сама обстановка не располагала к этому. Царь Василий Шуйский, чтобы рассеять подозрения в своей виновности, похоронил племянника в Архангельском соборе Кремля рядом с усыпальницами великих князей и царей.

Остаётся добавить, что очередная книга серии ЖЗЛ издана к 400-летию снятия осады с Троице-Сергиевой лавры.



Помните песенку в популярном в семидесятые годы кинофильме о декабристах:

*Кавалергарда век недолог,
А потому так сладок он...*

Так вот, листая роскошный альбом «Русская императорская гвардия», я ловил себя на мысли, что выпущен он словно бы в её опровержение, и чувствовал в душе щемящую и сладкую тоску, навеянную давнишним мотивом.

Разглядывая собранные во множестве старинные фотографии, форму и амуницию, награды и оружие российского воинства, припоминал громкие победы, покрывшие знамёна и штандарты гвардейских полков неуязвимой славой: Нарва, Полтава, Бородино, Аустерлиц, Кульм, Варна, Каушаны, Крым... Вспоминал полковые казармы и соборы, являющиеся истинными архитектурными памятниками, триумфальные арки и колонны, воз-

НЕТЛЕННЫЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ПОЛКИ

вигнутые в честь побед и героев. Вспоминал исторические события, в которых гвардейцы сказали своё веское слово: дворцовые перевороты Екатерининских времен, восстание на Сенатской площади, Гражданскую войну...

В 2000 году российская гвардия праздновала свое 300-летие. И в нашей стране, и за рубежом было издано (а точнее, переиздано) немало количество книг, включивших в себя сотни интереснейших документов. Они бережно хранились в музеях и архивах, библиотеках, у ревнителей старины, возрождающих полковые объединения, и у коллекционеров. Но книга Жерара Горохова занимает особое место в гвардейской библиографии. Она не только дает богатую картину быта гвардейских полков, знакомит с прекрасными образами офицеров и солдат, многие из которых полегли в боях за Россию, она позволяет почувствовать сам колорит ушедшей эпохи.

Откровенно говоря, я нигде не встречал такой дотошности и тщательности в подборе, комментариях к каждому предмету военной формы одежды. Казалось бы, всё уже и так проверено-перепроверено, прежде чем быть помещённым в музейную экспозицию. Ан нет, в книге Горохова многие страницы пестрят поправками и уточнениями. Ну, например: «кирасиры тра-

диционно носили эполеты не кавалерийского, а пехотного образца»; «на манекен ошибочно надета кираса, обшитая синим шнуром, тогда как в Кавалергардском полку она обшивалась кантом красного цвета»; «в комплект парадной формы вахмистра лейб-гвардии Гродненского гусарского полка ошибочно включён офицерский парадный пояс». Или рядом с фотографией подпоручика Н. Толстого читаю: «В соответствии с предписаниями 1910 года при снятом головном уборе полагалось снимать и перчатку с правой руки. Также обратите внимание на незастёгнутую третью пуговицу на обшлагах клапанов – традиционную манеру ношения мундира офицерами ещё с начала XIX века». А напротив рядового 4-го батальона лейб-гвардии Семёновского полка такое уточнение: «Фуражку с козырьком в мирное время из нижних чинов носили только нестроевые и сверхсрочнослужащие. На поясном ремне висит тесак образца 1848 г. – холодное оружие нестроевых. Тесак был положен и всем прочим нижним чином, когда они были без винтовок».

Не книга, а просто кладёзь уникальной информации, которой сегодня больше нигде ни за какие деньги не найти.

★
Евгений АРТЮХОВ